

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ

В ЗАКОНЕ

**УБИЙСТВО
ПО-МИНИСТЕРСКИ**

Кирилл Казанцев

Убийство по-министерски

Серия «Оборотни в законе»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6114195

Казанцев К. Убийство по-министерски : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65274-7

Аннотация

В полицию обращается жена известного бизнесмена Георгия Скоробогатова и заявляет об исчезновении мужа. Расследование поручают оперуполномоченному Андрею Сеницыну. Он опрашивает свидетелей и выясняет, что незадолго до исчезновения Скоробогатов встречался с кандидатом в депутаты Астаховым. Дальнейшее расследование показало, что Астахов и Скоробогатов были отнюдь не друзьями. Более того, кандидат в депутаты имел все основания ненавидеть бизнесмена – у того имелся внушительный компромат на будущего слугу народа. Сеницын объявляет Астахова в розыск: он на сто процентов уверен, что похищение бизнесмена – его рук дело. Но все оказывается не так просто...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	35
Глава третья	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Кирилл Казанцев

Убийство по-министерски

Глава первая

Окно ординаторской было раскрыто настежь, однако воздух внутри все равно был спертым. Пахло табаком, спиртом и еще чем-то непонятным, кисловатым – то ли перекисью водорода, то ли квашеной капустой.

«Дежурные хирурги опять отдыхали, – подумала Наташа, проходя через квадратную комнатку прямо к окну. – Хотя бы одно радует: ночь была спокойная, безоперационная».

Высунувшись в окно, Наташа с удовольствием глубоко вдохнула. На улице ощущалось слабое дыхание осени: середина сентября, еще теплая, но уже немного грустная пора, которая словно неизбежно влечет за собой долгое прощание с чем-то очень-очень хорошим. Но было в этой поре нечто неуловимо притягательное, некое щемящее чувство, которое при всем желании нельзя было назвать неприятным.

Постояв немного у окна, Наташа присела на диван в углу ординаторской и оглядела комнату. Вспомнила, как пришла сюда, в Пятую Городскую больницу, впервые год назад, после окончания мединститута, на время интернатуры. Тогда она еще была восторженной выпускницей с красным дипло-

мом и считала себя невероятно грамотной и все-все знающей и понимающей в медицине. Сейчас она понимала, что все ее знания были чисто теоретическими и к реальности имели мало отношения. Тогда она была восторженной девочкой, идеалисткой, которой и в голову не могло прийти, что бывалые хирурги могут по ночам пить разведенный спирт, откровенно кадрить молоденьких и не очень медсестер и весьма цинично отзываться о больных, находящихся на их попечении.

Наташа, впервые окунувшись в жесткую действительность, поначалу была шокирована. Ей хотелось самой изменить здесь все, навести порядок и сделать так, как должно быть в идеале. Это теперь она понимала, насколько была наивна, что во всем виноваты не отдельно взятые врачи, а система здравоохранения в целом, а тогда... Она вспомнила, как пришла в кабинет к заместителю главного врача Алексею Дмитриевичу Никанорову и с горящими глазами в течение полчаса вдохновенно вещала о том, какие недопустимые, по ее мнению, вещи творятся в отделении, что врачи забывают о своем изначальном предназначении, о том, что избрали святую профессию, что дорогостоящие препараты уходят налево, что для нормальной работы не хватает элементарных материалов и инструментов, не говоря уж о современных аппаратах...

В кабинет незаметно проскользнул старший хирург Миущенко, и замглавврача, приняв чрезвычайно серьезный вид,

откашлялся и, кивнув, деловито заявил о том, что Наталия Константиновна, безусловно, абсолютно права, что он очень благодарен ей за своевременное заявление, что он лично проведет проверку, разберется во всем, накажет виновных и наведет порядок.

– Спасибо, Алексей Дмитриевич! – проникновенно воскликнула Наташа.

– Хорошо, а теперь идите, – махнул рукой замглавврача, и Наташа, окрыленная, вышла из кабинета с гордо поднятой головой, бросив победный взгляд на Миющенко.

Именно с ним у нее состоялся неделю назад предварительный разговор на эту же тему. Точнее, не состоялся, а она лишь хотела его завести, но Миющенко резко прервал ее и сухо посоветовал заниматься своими прямыми обязанностями и не соваться в то, в чем она ничего не смыслит. Наташу тогда буквально потрясла его реакция, и она решила пойти выше.

«Не может же всем заправлять здесь Миющенко! – думала она, направляясь для начала к заведующей отделением Маргарите Федоровне Старыгиной. – Он всего лишь хирург, хоть и старший!»

Однако Маргарита Федоровна Наташу так и не приняла, сославшись на сильную занятость. У нее и впрямь было несколько тяжелых дней, операции шли одна за другой, и Маргарита Федоровна, завершив их уже поздно вечером, сразу направлялась домой. И тогда Наташа пошла, что назы-

вається, ва-банк – к заместителю главного врача. Она бы отправилась и к самому главврачу, но попасть на прием к Виктору Иннокентьевичу Новожилову было не так просто.

Тем же вечером, когда она осталась дежурной на ночь, в ординаторскую пришел Миющенко. Он смерил Наташу мрачным взглядом, потом молча достал флакончик со спиртом и разлил в два стакана, один из которых протянул Наташе.

– Что вы, я не буду! – воспротивилась та.

– Да пей ты давай! – досадливо произнес Миющенко, опрокидывая свой стакан и наполняя его снова.

Наташа в изумлении смотрела на него, потом слегка отпила. Поморщилась, отодвинула стакан. Миющенко посмотрел на нее красными, воспаленными глазами, а потом закурил и, стряхивая пепел в цветочный горшок, вдруг спросил:

– Наташка, тебе сколько лет?

– Двадцать четыре, – удивленно ответила Наташа.

– А мне сорок восемь, – вздохнул Миющенко. – Стало быть, в два раза больше. И в медицине я уже четверть века. Ты что, думаешь, ты самая умная? Первая, кто все это заметил и решил устроить революционный переворот? Эх, дуручка!

Наташа вдруг почувствовала, что Миющенко, хоть и говорил грубовато, но все-таки без враждебности, а наоборот – с симпатией и словно бы жалея ее. А тот хлебнул еще спирта без закуски и, откинувшись на спинку дивана, заговорил...

Он говорил несколько минут подряд, и она не перебивала его, а лишь слушала. А старший хирург говорил о том, что пришел в больницу таким же зеленым восторженным юнцом и никак не мог понять, почему на деле все оказывается совсем не так, как он предполагал... Что его тоже поражали и шокировали многие вещи, что он также радел всей душой за больных, за порядок в отделении и всей больнице, а теперь...

– Теперь, Наташка, я уже не горю желанием вылечить абсолютно всех больных, – с грустью поведал Миющенко. – И сделать все больницы полностью оборудованными, а всех врачей, берущих взятки, упрятать в тюрьму. Потому что это бред, Наташка. Это не врачи виноваты, а система! Понимаешь? Система! А я просто винтик в этой системе. А у меня жена и двое детей, старший женился два года назад, я уже дед! И до пенсии хочу доработать спокойно и с чистой совестью уйти на отдых. На заслуженный, поверь, отдых! – поднял он палец. – Я сделал многое. Даже несмотря на то, что ничего не смог изменить в целом, в частности сделал многое. Как для больницы, так и для самих больных. И тебе советую то же самое. Поверь, здесь вполне можно работать и делать то, чему тебя учили. Вот ты врач?

Наташа осторожно кивнула. Она уже не была в этом уверена до конца.

– Да врач, врач! Ну, будущий, – уточнил Миющенко. – Девчонка ты способная, я к тебе давно присматриваюсь. Так что делай свое дело, учись, оперируй и ни о чем больше не

думай! Не вздумай ты гоняться с наказанием за медсестрами, которые кладут себе в карман стольники, или за санитарками, которым суют шоколадки...

– Я вовсе не... – попыталась было возразить Наташа, но Миющенко перебил ее:

– Молчи! Мы тоже берем. И я в том числе. И тебе могу сказать прямо, пока мы вдвоем: будут давать – не отказывайся! С какой стати? Поверь, есть люди, которые получают гораздо больше, чем мы с тобой. Гораздо. И нам до них, как до неба. Вот так.

Он поднялся с дивана, ободряюще хлопнул Наташу по плечу и вышел из ординаторской, чуть покачиваясь. А через десять минут его срочно вызвали в операционную, куда привезли из районного центра десятилетнего мальчика с перитонитом, у которого уже начался сепсис, и он был в таком плохом состоянии, что дежурный хирург не решился братья за операцию самостоятельно и пригласил старшего, который, по счастью, задержался в тот вечер в больнице только для разговора с Наташей. И Миющенко сделал операцию, и сделал настолько грамотно и виртуозно, что через три недели мальчик, уже окрепший и порозовевший, благополучно выписался вместе со счастливой мамой.

Наташа видела, с какими глазами благодарила та женщина старшего хирурга, как порывалась обнять его и торопливо совала в карман халата белый конверт. И еще видела, как Станислав Михайлович сунул ей этот конверт обратно и по-

смотрел так, что женщина смутилась и, послушно кивнув, пошла вместе с сыном к выходу, к ожидавшему их уазуку...

Все это вспомнила сейчас Наташа Краснова, сидя на диване в ординаторской. Да, за это время очень многое изменилось в ней. И практически ничего – в больнице. Каждый день поступали новые больные, и она, уже не думая о спасении всего человечества, просто пыталась помочь им в сложившихся условиях. Она научилась обходиться иными средствами, когда в очередной раз ломался старенький томограф, научилась ставить диагноз, полагаясь не только на знания, а на внутреннее чутье, и набрала определенный опыт.

– Наталия Константиновна, вы уже на месте? – отвлек Наташу от дум голос медсестры Вики. – Девочка из пятой палаты жалуется на тошноту...

– Хорошо, Вика, я сейчас иду! – встрепенулась Наташа, поднимаясь с дивана и поспешно стягивая в хвост распущенные каштановые волосы и натягивая на них пилотку.

Двигаясь по коридору вслед за медсестрой к пятой палате, думала уже только о девочке Кате Синицыной, поступившей к ним в отделение три дня назад. У Кати было редкое заболевание – странное, до конца не изученное, к которому у медиков разных стран было неоднозначное отношение. В их больнице с таким диагнозом столкнулись впервые, и Наташа дома по ночам штудировала медицинские справочники, в которых сведений об этом заболевании было ничтожно мало, а также Интернет, где информации все же было су-

щественно больше, но вся она была весьма просторной и расплывчатой и не давала ответа на самый главный вопрос – как, собственно говоря, это лечить.

Наташа несколько раз видела маму девочки – очень худую, несколько нервную особу лет двадцати восьми, которая часто выходила курить на крыльцо больницы, делала длинные, быстрые затяжки и швыряла недокуренную сигарету в урну, а через пять минут возвращалась и закуривала снова. Она приезжала на черном джипе «Инфинити» с коренастым, краснолицым типом, который никогда не проходил в помещение больницы, а сразу же уезжал, но потом возвращался и с недовольным видом звонил ей по новенькому «Vertu Ascent», лениво поглядывая на проходящих мимо врачей и медсестер и при этом словно не видя их в упор. Он ни разу не разговаривал ни с кем из них, и Наташе это было странно. Это потом она случайно узнала, что он не родной отец Кати, и даже порадовалась в душе – слишком неприятным был этот тип, наглым и самоуверенным.

Родной же отец девочки оказался совсем другим – довольно простым, русоволосым и худощавым, одетым в обычную джинсовую рубашку и неумело, наспех отглаженные брюки. Когда он входил в помещение больницы, мать девочки тут же бросалась к нему и тихим, злым голосом начинала что-то выговаривать, требовать, иногда даже повышая голос и притопывая ногой. Тот же, с усталым, каким-то измученным лицом, слушал ее рассеянно и лишь болезненно морщился,

когда женщина начинала переходить на крик. Он пытался успокоить ее и взять за руки, но та резко их выдергивала, и глаза ее загорались совсем уже злым огоньком.

Наташа плохо разбиралась в отношениях этого квартета, да ей это было и не нужно. Это уже потом, как-то вечером, когда она дежурила и во время обхода подошла к Кате, увидела, что девочка плачет. Тогда Наташа подумала, что она плохо себя чувствует, и спросила, так ли это. Катя некоторое время молчала, а потом сказала, что очень хочет вернуться домой. Наташа, вложив в голос как можно больше уверенности и убедительности, проговорила, что так непременно и будет, причем очень скоро, но Катя покачала головой и сказала, что хочет вернуться не туда, где живет сейчас, а в свой прежний дом, где она жила с мамой и папой.

– А сейчас я живу с мамой и дядей Эдиком. А он мне совсем чужой. И он не любит меня. И маму тоже не любит, – совсем тихо, словно стыдясь за маму, добавила Катя, и Наташа тогда удивилась прозорливости, так свойственной порой детям.

* * *

Новый рабочий день неожиданно выпал на субботу. Хотя это, по идее, был законный выходной, но наш непосредственный начальник, подполковник Герасимов, почему-то решил, что мы в последнее время работаем мало, и обязал выйти

весь отдел. Все, конечно, повозмущались, но возразить подполковнику никто не посмел. Честно говоря, я был расстроен больше остальных, поскольку собирался провести этот день в больнице у Катюхи. Ольга уже несколько раз звонила мне вчера вечером и обвиняла в пренебрежении отцовскими обязанностями.

– Я навещаю ее каждый день! – резко звучал голос супруги, ставший за последние месяцы совершенно чужим и холодным. – В отличие от тебя! И Эдик тоже!

– Слушай, вот только не надо приплетать сюда своего Эдика, а? – досадливо поморщившись, попросил я. – Он вообще не имеет отношения ко всему этому!

– Не имеет? – в голосе Ольги послышались ехидные нотки. – А между прочим, ее содержание там оплачивает полностью он! Так что уж постеснялся бы только за это трогать человека!

– Его никто не трогает! – Я невольно повысил голос. – Но и ты, будь добра, не трогай моих отношений с дочерью! Катя все-таки моя дочь!

– Странно, что ты об этом помнишь! – уколола меня в очередной раз Ольга. – Иначе сидел бы у больного ребенка день и ночь!

Я сдержался. Не стал напоминать Ольге о том, что вообще-то работаю, каждый день с восьми утра и порой до поздней ночи, в отличие от нее, которая, с тех пор как ушла к своему Эдику, находится на полном его обеспечении. И что

навещаю Катюху при первой же возможности.

– В общем, завтра с утра чтобы был в больнице! – пригвоздила меня Ольга, а следом в трубке послышалось ее недовольное «На!»

Затем я услышал голосок Катюхи и понял, что Ольга находится сейчас в ее палате и намеренно сунула трубку дочери.

– Папа! – голос дочери звучал радостно.

У меня, признаться, екнуло и больно защемило сердце, хотя вроде никогда я не был особенно сентиментальным.

– Папа, ты придешь завтра?

– Приду, солнце! – твердо ответил я, так как еще не знал о том, что подполковник Герасимов решил подложить нам такую свинью.

– Я тебя очень буду ждать, папочка! Я тебя люблю!

– Я тебя тоже, – проговорил я, и следом зазвучали гудки – Ольга выдернула телефон у дочери.

Я отодвинул стакан с успевшим остыть чаем, откинулся на спинку стула и вытер лоб рукой. Воспоминания волной накатили снова. Ольга ушла от меня несколько месяцев назад. Ушла нехорошо, внезапно, без предупреждения и обсуждения, просто поставила перед фактом. Но даже не это обидело меня больше всего, а то, что ушла она тихо, по-воровски, забрав все вещи, пока я был на службе. И даже не дала мне поговорить с Катюхой. А потом... Потом даже не позвонила, а скинула эсэмэс-ку, что нашла достойного человека, кото-

рый станет заботиться о ней и о дочери.

Я вспомнил тот злополучный вечер, как сидел, тупо уставившись в экран телефона, перечитывал эсэмэску в сотый раз и не мог поверить, что это происходит в реальности. Собственно, охлаждение отношений чувствовалось и до ухода Ольги, но я списывал это просто на временный этап, неизбежно возникающий в любом семейном союзе.

Тогда я впервые посмотрел на ситуацию другими глазами. Вспомнил, что Ольга частенько стала отказывать мне в супружеской близости, ссылаясь то на недомогание, то на усталость. А так как я и сам, признаться, уставал как собака после службы, то постепенно перестал настаивать, довольствуясь редкими моментами раз-другой в месяц. Мне не хотелось давить на жену. Сейчас я думал – может быть, зря? Зря не придавал тогда этому значения, зря не поступал жестко, требовательно, как положено «настоящему мужику»?

Эту формулировку, «настоящий мужик», я стал часто слышать из Ольгиных уст. И в ее представлении она сильно отличалась от того, что я вкладывал в это понятие. Дело в том, что я по натуре человек мягкий, и в супружеских отношениях ценю прежде всего заботу и взаимное уважение. Ольге же, как я понял, импонировала грубая мужская сила. Какая-то животная, сила самца... Это я осознал, когда впервые увидел ее Эдика и то, как он обращается с моей женой. Признаться, даже кольнуло очень неприятное чувство. Что это было? Ревность? Обида за жену? Ведь официально мы

так и не развелись, и Ольга оставалась по закону моей супругой. Абсурдно! Твоя жена живет с другим, а ты чувствуешь боль из-за того, что этот другой относится к ней пренебрежительно! Хотя, по идее, должен был испытывать злорадство, удовлетворение... Или нет?

Поздними, одинокими вечерами я часто размышлял об этом. Я вообще склонен к философским рассуждениям, что является порой предметом насмешек моих сослуживцев, которые живут просто и не парятся глобальными вопросами. Ну, это и понятно: наше ведомство не очень располагает к подобным вещам.

Да, кстати, я служу в милиции. Точнее, теперь уже полиции, но со знанием дела могу сказать, что после перемены вывески ситуация внутри не изменилась ничуть. Разве что требовать стали больше, а так все по-старому. И мои коллеги, ежедневно сталкиваясь с весьма неприглядной изнанкой жизни, как-то не расположены философствовать. Такой уж я уродился, нетипичный мент... Как сказал мне однажды наш штатный эрудит, капитан Треплев: «Тебе бы, Синицын, в колонии для несовершеннолетних работать. В послереволюционные годы. С Макаренко бы подружился, общий язык нашел!» Возможно, он и прав... Во всяком случае, вопросы психологии и человеческих судеб всегда были для меня на первом плане, а психология и философия были любимыми предметами в институте, хотя я и закончил его очень хорошо и по криминалистике имел твердую пятерку. На красный

диплом, увы, не потянул, но это и не слишком отразилось на моей дальнейшей службе.

А вот собственная судьба как-то не складывалась... Упустил, наверное, многое, сам виноват. Но сколько бы я ни грыз собственную печень, мучаясь чувством вины, полностью оправдать Ольгу не мог. Я бы понял, если бы она действительно полюбила другого, честно призналась в этом и ушла нормально, по-человечески, сохранив человеческие отношения со мной, хотя бы в память о прежней жизни и общем ребенке. Но Ольга вела себя не так. Постоянные упреки, обвинения, приведение в пример этого ее толстопузого Эдика, от одного взгляда на которого мне становилось муторно.

К тому же Ольга была непоследовательна: то кричала, что запретит мне общаться с Катюхой, потому что я якобы не справляюсь с родительскими обязанностями и не навещаю дочь. При этом не учитывала, что доступ в дом, где она ныне проживала со своим Эдиком и моей дочерью, был для меня закрыт. Да я и сам не пошел бы туда! На мои же просьбы встретиться с Катей на нейтральной территории заявляла, что не может оставить ребенка наедине со мной, потому что не доверяет. Какая чушь! Уж я-то, если Катюха оставалась на моей ответственности, всегда тщательно следил за ней. Даже когда она была грудной и часто просыпалась по ночам, именно я вставал к ней, менял пеленки и кормил из бутылки, потому что Ольга, устававшая за день, крепко спала, и мне не хотелось ее будить.

Я понимал, что юридически имею равные с Ольгой права, и могу в любое время забирать Катюху к себе, но Ольга тут же переходила на крик. Крик и обвинения были ее главным оружием. Она всегда действовала такими методами, давила эмоциями и беспочвенными угрозами. Нервная система у нее всегда была очень шаткой. Уж не знаю, с чем это связано.

Прошло уже полгода с тех пор, как Ольга покинула меня, и сейчас боль от ее предательства немного поутихла. Я даже снова научился улыбаться, постепенно выработал хоть какой-то режим встреч с Катюхой и начал понемногу успокаиваться. И тут как гром среди ясного неба – новый удар! Катюха заболела...

Веселая, жизнерадостная Катюха, всегда крепкая, со здоровым румянцем на щеках, оказалась больна! Это выяснилось случайно, когда Ольга пошла с ней в поликлинику за справкой на право посещения бассейна. Там велели пройти всех специалистов, и один из них, почувствовав неладное, дал направление на обследование. И вот результат – редкий диагноз, странное, малопонятное заболевание...

Я интересовался у врачей, что могло послужить причиной, но они лишь разводили руками. И только один из них, пожилой уже врач, проронил: «Такие вещи в основном происходят на нервной почве». Когда же я рассказал об этом Ольге, та фыркнула и пожала плечами, бросив: «Разумеется! Какие у нее могут быть нервы при таком отце!»

Тогда я едва сдержался и чуть не ударил Ольгу. Мне-то казалось, что общее горе должно сблизить нас с ней, ведь это наша родная дочь! А оказалось наоборот... Но вот что меня еще поразило: Ольга, увидев, что я впал в ярость, что было мне совсем несвойственно, посмотрела на меня испуганно и в то же время с уважением!

«Неужели ей нравится подобный стиль отношений? – размышлял я тогда, шагая домой. – Нравится, чтобы ее унижали и даже поднимали на нее руку? Это в ее понимании и есть идеал «настоящего мужика»?»

Ольга, конечно, раскричалась и даже пустила слезу, я, разумеется, извинился, хотя не причинил ей ничего плохого. Но после моей вспышки она сразу успокоилась и даже повеселела. Наверное, именно это и привлекло ее в этом Эдике, который вряд ли стал бы проявлять дипломатичность и в критической ситуации просто грубо надавил бы на нее.

Собственно, с потерей Ольги я уже смирился. Но вот отдавать Катюху в эту совершенно чуждую для нее среду мне совсем не хотелось. И я даже начал думать, можно ли устроить так, чтобы девочку по закону оставили мне после развода. Юридическое образование подсказывало мне, что можно. Одним из весомых аргументов в мою пользу было то, что я работал, а Ольга нет. Но все равно – сложно. И даже не столько юридически, сколько именно из-за этой моей работы и постоянной занятости на ней! Ну, в самом деле, что, девчонка сутками сидела бы одна в моей квартире? Если бы

по-хорошему, то можно было договориться с Ольгой и решить этот вопрос мирным путем. Но супруга категорически не желала идти на нормальный контакт. Непонятная, нелогичная злость на меня, постоянное желание втоптать меня в грязь никак не способствовали установлению между нами приемлемых отношений...

С этими мыслями я добрался до Управления и посмотрел на часы. Без десяти восемь. Скоро должна была начаться планерка. А это значит, что придется в течение пятнадцати минут любоваться лучезарной и пышущей здоровьем физиономией подполковника Герасимова. Но это еще ладно бы, лицо у Герасимова хоть и мясистое, но не отталкивающее. Но ведь при этом приходится еще выслушивать его замечания в адрес всех оперативников, в том числе и свой собственный – это уж непременно. Подполковник обязательно обратит внимание на каждого и каждому сделает замечание. А если повода не найдется, он его придумает на ходу. Несмотря на то, что в работе подполковник Герасимов непроходимый тугодум, в способности придумывать поводы для придирок ему не откажешь.

Так как сегодня я пришел на работу немного пораньше, то слегка задержался в дежурке, слыша громкие возгласы возмущения. Пока расписывался в табеле, невольно прислушался и понял, что разоряется не кто иной, как старший лейтенант Точилин – молодой и еще не очень опытный парень, хотя способный, но при этом несколько ленивый. Вообще-то

он нечасто бурно выражал свои эмоции, так что мне стало вдвойне любопытно, что же могло его так разозлить.

Выяснилось, что сегодня с утра телефон дежурки обрывает какая-то женщина, которая кричит в трубку о том, что ее муж не ночевал дома, и теперь требует, чтобы мы немедленно начали его искать. Естественно, поданное в такой форме заявление Точилин принимать не стал и просто посоветовал женщине подождать. Возможно, при этом он позволил себе не слишком деликатные намеки – Точилин скромно умолчал об этом, – потому что женщина обиделась и лично пришла в Управление.

Точилин попытался от нее избавиться и спровадил к лейтенанту Коробову, а сам принялся делиться с коллегами впечатлениями. В этот самый момент я и появился в дежурке. Слушая Точилина, я не сдержал улыбки. Точилин по всему был неправ. Он обязан был принять женщину и объяснить, как составить заявление об исчезновении мужа. Но Точилина просто не хотелось этим утруждать, вот сейчас он и переводил активно стрелки на женщину, крича, что она сама виновата.

Разобравшись в ситуации, я усмехнулся, пожелал Точилина быть более внимательным к людям, расписался в ведомости и пошел к себе в кабинет, на второй этаж.

В коридоре я невольно обратил внимание на женщину средних лет, с крашенными в цвет красного дерева волосами. Вокруг нее образовалась очень нервная обстановка. Лей-

тенант Коробов, который отличается у нас невозмутимостью и спокойствием, на этот раз казался полной противоположностью самому себе. Он был взвинчен, и даже обычно гладко прилизанные короткие волосы у него сегодня топорщились. Он почти кричал, что-то доказывая женщине, а она наступала на него, не слушая, и даже норовила замахнуться. Естественно, я не мог пройти мимо и не поинтересоваться, что происходит. Коробов тут же ухватился за меня, отводя в сторону.

– Блин, как же она меня достала! – воскликнул он, выдыхая воздух. – Вот ведь клуша бестолковая!

– А что она хочет-то? – полюбопытствовал я.

– Да муж у нее, видите ли, пропал! Одну ночь не ночевал, причем сама же говорит, что с друзьями бухал в офисе, так она к обеду примчалась заяву писать! А он, наверное, дрыхнет где-нибудь после бурной ночи, это же понятно! Напился, домой не в состоянии был доехать, вот и рухнул где-нибудь у друзей или бабы какой, – при последних словах Коробов понизил голос, ища таким образом у меня поддержки и понимания.

Я понял, что речь идет о той самой особе, которую Точилин сплавил Коробову. Видимо, она и впрямь вела себя не совсем адекватно, если целых два сотрудника нашего Управления раздражены ею и не чают, как от нее избавиться.

Я бросил быстрый оценивающий взгляд на женщину. Как бы выразился мой друг, журналист Влад Тропинин, это был

явный «постбальзак». Так он называл женщин, перешагнувших сорокалетний рубеж.

Эта дама явно старалась молодиться, выглядеть удачливой и современной. В чем-то ей это удавалось, но в основном за счет дорогой одежды, украшений и прически. А объективно...

Объективно, увы, бедра ее стали уже непропорционально широки, лицо омрачали морщины и вялость подбородка. Общее увядание скрашивали только живые серые глаза, которые смотрели по-молодому горячо и горели жаждой активной деятельности.

Я не очень-то разбираюсь в моде, особенно в женской, но даже от меня не укрылось, что ярко-оранжевое пальто женщины совсем ей не идет. Оно скорее подошло бы фермерше из какого-нибудь штата Айова, несмотря на дороговизну модели. Короткая юбка была слишком короткой, поскольку длинные мускулистые ноги женщины никак нельзя было назвать красивыми. Ощущение безвкусицы подчеркивала и ярко-красная, очень вызывающая блузка. И я подумал, что, обладай она большим вкусом и не гонись так откровенно и отчаянно за дороговизной и моложавостью, то могла бы выглядеть гораздо выигрышнее. Например, надев простое, но элегантное свободное платье.

Женщина тем временем устала ждать и подошла к нам.

– Послушайте, у вас совесть есть? – возмущенно, на повышенных тонах обратилась она к Коробову. – Вам лишь бы

ничего не делать, а что человек пропал, вас не волнует!

– Фу-у-ух! – выдохнул Коробов и совершил оборот вокруг своей оси. – Да кто вам сказал-то, что он пропал?!

– Так, что случилось? В чем дело, на...? Ты что, Коробов, в коридоре базар устраиваешь, на...? – раздался позади начальственный бас.

Мы оба увидели подошедшего к нам круглолицего коренастого мужчину средних лет, который предпочитал ходить в форме, потому что таким образом мог скрыть под фуражкой свою лысину.

Это был подполковник Герасимов, тот самый, который своей деятельностью, порой бестолковой, делает все, чтобы его подчиненные никогда о нем не забывали. Он умеет сделать так, чтобы и ночью не давать покоя нашим сотрудникам, являясь им в кошмарных снах.

– Муж у нее пропал, товарищ подполковник, – коротко отрапортовал начальству Коробов.

– Ну и что? – пожал плечами Герасимов. – Отправляй ее к нам, там разберемся, на... Инструкции, что ли, не знаешь? Кто у нас свободный, на...?

Подполковник пошарил взглядом вокруг, как будто именно здесь, в коридоре, сосредоточились все оперативники Управления. Естественно, его взгляд не мог упереться ни в кого другого, как в меня.

– Синицын! – Герасимов хотел, видимо, по своему обыкновению, придраться ко мне, но не нашел ничего подходя-

щего и коротко бросил: – Займись, короче, на... Через час зайдешь, доложишь. Все. И кончайте здесь базар устраивать, на...!

Злоупотребление неопределенным артиклем «на...» было фирменным речевым знаком подполковника. Так сказать, его лингвистическим брендом, как выразился бы Влад Тропинин со своим филологическим образованием. Не имея возможности обрушивать на уши своих коллег по работе более хлесткие выражения, подполковник нашел для себя этот компромисс и с успехом им пользовался. Кроме того, он за годы своего ментовского начальствования выработал особый, резкий, отрывистый стиль речи. Речи, не допускавшей никаких отклонений вправо или влево. Речи категоричной и уверенной.

Вот и сейчас, выпалив все это и нагрузив меня новым поручением, Герасимов энергично пошагал дальше по лестнице на второй этаж к своему кабинету. Но женщина, почувствовав в его лице власть, бросилась за ним. Подполковник не слишком рад был такому повороту событий, наскоро выслушал торопливые, эмоциональные объяснения женщины, после чего бросил ей: «Разберемся!»

После этого развернулся к нам и пророкотал:

– Через пять минут на планерку все, живо!

И скрылся из вида за массивной дверью своего кабинета. Все быстренько разбежались кто куда, и я остался один на один с женщиной.

Мне ничего не оставалось, как тихо вздохнуть и пригласить пылавшую гневом женщину в свой скромный кабинет. А лейтенант Коробов, обрадованный тем, что избавился от нее, поспешно пошел в дежурку к телефону.

Я же оказался в сложной ситуации. С одной стороны, мне требовалось принять женщину, выслушать и составить заявление. С другой – у меня на все про все было всего пять минут, по истечении которых я должен был быть на планерке. И подполковник Герасимов, не учитывая этих обстоятельств, разумеется, придерется ко мне и обвинит в медлительности или еще бог знает в чем. Но подполковник был недоволен нашей работой в принципе, всегда, и я к этому давно привык. Поэтому я просто вручил женщине чистые листы и попросил подробно изложить все обстоятельства исчезновения ее супруга. Она, поняв, что ею, наконец, занялись, несколько успокоилась, нахмурила брови и принялась быстро строчить заявление острым, мелким почерком. Я же отправился на планерку.

Я оказался прав на все сто. Сегодня подполковник Герасимов прицепился ко мне, потому что ему показалось, что я зевнул. На самом деле я просто хотел возразить подполковнику, что это не я разговаривал с женщиной, позвонившей под утро в УВД и сообщившей о том, что у нее пропал муж. Что это был Точилин, а я вообще-то услышал об этом только сегодня утром и что подполковник просто все перепутал. Естественно, я слегка приоткрыл рот, но Герасимов перебил

меня и списал этот жест на зевоту. Одним словом, в течение следующих десяти минут мы все слушали о том, как нужно правильно вести режим дня. Когда же подполковник устал от собственной эрудиции в этом вопросе, он вздохнул и как-то грустно спросил у меня:

– Ну что же ты, Синицын, звонок не зафиксировал, на...?

– Я не мог его зафиксировать, потому что это было не в мою смену. А я прибыл на службу только сегодня утром, согласно вашему распоряжению, – четко ответил я и на всякий случай отвернулся к окну.

– Как? – вытаращился Герасимов. – А кто? Кто принимал?

Все молчали. Я понимал, что подполковник Герасимов все равно выяснит, что это был Точилин, но мне не хотелось самому его выдавать.

– Кто принимал сигнал? – прорычал Герасимов, обводя нас всех бешеным взглядом.

Точилин съежился и обреченно прошептал:

– Я...

– Та-а-ак... – Зловещее замечание Герасимова не предвещало ничего хорошего.

Планерка грозила затянуться часа на два.

Старший лейтенант Точилин смотрел в пол. Подполковник Герасимов, уяснивший только то, что один из его подчиненных нарушил инструкцию, а следовательно, совершил практически должностное преступление, даже обрадовался. Он всегда радовался возможности наказать кого-нибудь, хо-

тя, наверное, даже сам себе в этом не признавался.

– Ну что, Точилин? – бросил он, выходя из-за стола и сцепляя руки за спиной. – Увольнять тебя, что ли? Или в постовые переводить, на...?

Точилин молчал. И это было, наверное, правильно.

– Молчишь, значит, – кивком головы резюмировал Герасимов и стал расхаживать по кабинету туда-сюда. – Ну-ну...

Потом подполковник круто повернулся и, выставив вперед указательный палец, выпалил:

– Вас всех разгонять пора! И вот с Точилина мы и начнем! Пойдешь на три месяца в участковые, на...! Там тебя быстро от шуток отучат, на...! Побегашь у меня по всяким там алкашам да по бытовым скандалам, мигом поумнеешь! Без премии на октябрь, на...!

Точилин закрыл глаза и вздохнул. Ни о какой премии он уже, конечно, и не думал – ее вообще у нас мало кто получал из-за патологической страсти подполковника к дисциплинарным взысканиям – и молил только, чтобы его не уволили за профнепригодность. Услышав вердикт Герасимова, он облегченно выдохнул и отрапортовал:

– Слушаюсь, товарищ подполковник!

Герасимов подозрительно покосился на него, не доверяя такому покорному согласию, но ничего не сказал. Слава богу, что на этом подполковник и успокоился, и планерка, как ни странно, закончилась довольно быстро. Сразу после этого я вернулся в кабинет, прочитал заявление и переговорил с

женщиной.

Через полчаса беседы я знал, что мою собеседницу зовут Надежда Алексеевна Скоробогатова, что по роду занятий она домохозяйка, что ей сорок пять лет, и что она имеет мужа Георгия Анатольевича, бизнесмена средней руки, занимающегося продажей алкогольной продукции. А может быть, уже и не имеет... По крайней мере, ее рассказ о событиях сегодняшнего утра такой трагической возможности не исключал.

События эти начались с того, что муж Надежды Алексеевны не явился домой вечером. Само по себе ее это мало взволновало, поскольку он предупредил, что собирается отмечать с друзьями какую-то финансовую сделку и может загулять допоздна. Смутное беспокойство возникло у нее, когда она, проснувшись ночью, чтобы попить воды, позвонила супругу на сотовый, но тот оказался отключен. Надежда Алексеевна несколько раз набирала номер офиса своего мужа. Но и там телефон не отвечал. И Скоробогатова решила позвонить в полицию. Там ее подняли на смех и, грубо говоря, отправили по известному адресу. И тогда утром она решила прийти лично...

Сейчас, выложив все это, Надежда Алексеевна с тревогой и ожиданием смотрела на меня. Я же, честно говоря, был мысленно солидарен с Точилиным и Коробовым, уверенный, что женщина поднимает шум на ровном месте. Однако теперь, когда в дело вмешался подполковник Гераси-

мов, я не мог просто так отделаться от Надежды Алексеевны. Посему старательно записал ее показания и сказал:

– Вы успокойтесь, езжайте домой. Как что-нибудь прояснится, я вам обязательно позвоню.

– Позвоните, очень вас прошу, – приложила руки к груди Скоробогатова и нервной походкой вышла из кабинета.

Я посмотрел на часы и понял, что пора идти на доклад к подполковнику Герасимову.

Тот встретил меня, как всегда, недовольным взглядом и спросил, какого рожна я явился. Он просто уже успел забыть про то, что у какой-то там женщины пропал муж. Память к нему возвратилась, когда я изложил суть беседы с Надеждой Алексеевной.

– Кто этот Скоробогатов? – спросил Герасимов.

– Бизнесмен. Водку производит.

– Водку, на...? – переспросил подполковник, и в его глазах я прочел оживление.

– Ну да. Фирма «Дионис».

Водку этой торговой марки потребители нашего города любили за ее дешевизну. Правда, качеством водка особым не отличалась, но закаленный в многолетних алкогольных боях потребитель не жаловался. По крайней мере, случаев отравления зафиксировано не было. Я тоже пробовал эту водку, но остался не слишком довольным ее качеством. Похоже, что и подполковник Герасимов был того же мнения, потому что скептически скривился при упоминании «Диониса».

– Но это еще не все, товарищ подполковник, – продолжил я. – Дело в том, что этот самый Скоробогатов спонсировал одного человека, который выдвинул свою кандидатуру на участие в выборах в депутаты городской Думы...

Это я узнал от той же Надежды Алексеевны, равно как и то, что человека зовут Игорь Кириллович Астахов и что он является старинным приятелем пропавшего Скоробогатова. Почему-то Надежда Алексеевна была уверена, что именно это обстоятельство послужило причиной исчезновения ее супруга. Версия выглядела довольно сомнительно, но все же я поделился ею со своим шефом.

Эта новость заставила подполковника Герасимова призадуматься. А так как данный процесс давался ему не слишком легко, то много времени тратить на столь неприятное занятие он не стал. Покатав кадык, Герасимов выдал:

– Значит, так, на... Все эти политические его дела оставь и дуй-ка пока в эту фирму. И вообще, Синицын... Старайся их не касаться! Понял?

Я неопределенно повел плечами.

– Как же их не касаться, Сергей Александрович? А если выяснится, что он из-за этого и исчез?

Подполковник досадливо поморщился.

– Не выяснится! – рубанул он воздух, затем, видя недоумение на моем лице, поправился: – Сделай так, чтобы не выяснилось! Ясно, Синицын? Мне что, тебя основам оперативной работы учить? – грозно сдвинул он брови.

Меня подмывало сказать, что я сам бы мог поучить подполковника азам этой самой работы, поскольку тот за последние годы только раздавал указания направо и налево и распекал подчиненных, а оперативная работа все-таки заключается несколько в ином, но благообразно промолчал.

– Короче, едешь сейчас в эту фирму и выясняешь, на... – резко закончил тот. – Записываешь показания ее сотрудников, все оформляешь и возвращаешься, на... Сразу ко мне на доклад. Все.

– Так сегодня же суббота, товарищ подполковник, – некстати напомнил я, поскольку лицо Герасимова тотчас же приобрело багровый цвет.

– Ну и что, что суббота! – рявкнул он. – Значит, позвонишь им всем и заставишь приехать! Не приедут – повесткой вызовешь! Все вам разжевывать приходится! Без меня совсем бы ничего не делали! Все, дальше сам действуй!

Подполковник пристукнул указательным пальцем по столу, давая понять, что отдал все необходимые команды. И что дальнейшее целиком и полностью зависит от меня. А это означало, что мне нужно бросить все и вплотную заняться делом исчезнувшего Скоробогатова. И о посещении дочери в больнице следует забыть... Пожав плечами и подавив вздох, я поднялся и направился в фирму «Дионис», предварительно все же позвонив Скоробогатовой.

– Надежда Алексеевна, не объявился муж? – наигранно оптимистически спросил я в телефонную трубку, почти уве-

ренный, впрочем, в отрицательном ответе.

– Нет, – тихо, обреченно подтвердила мои догадки Скоробогатова, которая уже успела добраться до дома после нашего с ней разговора.

– Понятно. Ну, вы не волнуйтесь, – продолжил я все так же приподнято, – лучше скажите, пожалуйста, где находится его офис?

– Это в поселке Юбилейном, почти на выезде из города. Только там закрыто – суббота все-таки, – растерянно проговорила женщина. – Когда я была там утром, присутствовал только охранник.

– А у вас дома есть ключи от офиса?

– Нет, Жора всегда носил их с собой. Но я могу сказать вам телефон заместителя, Голубицына Николая Александровича. Запишите, пожалуйста... Скажите, а вы что-нибудь выяснили?

– Пока ничего определенного, – тут же ответил я. – Мне сейчас необходимо побывать в офисе.

– Да-да, я понимаю, – пролепетала несчастная женщина, и я, дабы не усугублять ее состояние дальнейшим разговором, поспешил попрощаться.

У меня на столе уже лежали распечатки звонков с сотового Скоробогатова. Увы, к тому времени, когда его жена обратилась в полицию, сотовый директора фирмы «Дионис» был отключен.

После разговора с Надеждой Алексеевной я связался с Го-

лубицыным. Тот, выслушав меня, сказал, что через полчаса будет на месте. А также позвонит бухгалтерше, чтобы она тоже приехала. Вполне удовлетворенный этим, я взял с собой эксперта Черновицкого и поехал в поселок Юбилейный. Заводской район.

Глава вторая

Виктор Иннокентьевич Новожилов, главный врач Пятой Городской больницы, приоткрыл глаза и сразу зажмурился от бьющих в глаза солнечных лучей. Несмотря на начало октября, день выдался погожим и теплым. Он поморщился от того, что супруга на ночь не задернула шторы. Не делала она этого по той причине, что они якобы выгорали от солнечных лучей. Виктор Иннокентьевич невольно почувствовал раздражение к жене. Заботится о каких-то идиотских вещах! Шторы ей жалко! Как будто трудно купить новые... Виктор Иннокентьевич, слава богу, зарабатывает достаточно, чтобы не экономить на подобных пустяках, а она словно не замечает этого!

Виктора Иннокентьевича всегда раздражала в жене эта неоправданная, с его точки зрения, экономия. Она, например, не позволяла домработнице выбрасывать пустые банки с завинчивающимися крышками, и те широкими рядами пылились на полках в кладовке. Для чего ей столько пустых банок – непонятно. Даже использованные полиэтиленовые пакеты заставляла мыть, а потом сушить на протянутых в кухне веревках. Эта привычка осталась еще с советских времен, когда такая элементарная вещь, как пакеты, была дефицитом. Но ведь с тех пор прошло столько лет, а эта ужасная привычка, казалось, впиталась в кровь жены.

Виктор Иннокентьевич отчасти понимал изначальные причины этого. Жена его, Тамара Петровна, приехала в город в семнадцать лет из села Красная Речка и познакомилась с ним на вечере танцев в институтском общежитии. Виктор Иннокентьевич был местным, а на танцы к девчонкам из института механизации сельского хозяйства его затащил друг. Тогда Тамара была стройной, юной и весьма привлекательной. Особенно хороши были ее длинные волосы цвета льна. Он пригласил ее танцевать и в процессе рассказал о себе. Точнее, как он понял потом, Тамара сама весьма искусно выведала у него все. Он даже не заметил, как рассказал ей о себе именно то, что волновало девушку: где живет, что за жилплощадь, чем занимаются родители, где учится, а потом уже сделала собственные выводы, что этот парень весьма перспективная для нее, деревенской девчонки, кандидатура.

Что странно, Тамара, никогда не отличавшаяся высоким уровнем интеллекта, была очень крепка житейским, практическим, каким-то крестьянским умом. Ему же, интеллигенту в третьем поколении, из династии медиков, тогда это было невдомек. Как-то очень умело Тамара построила их отношения, через полгода подведя Витю к мысли, что им пора отправляться в ЗАГС. Повод был банальным, но действенным: потупив глаза, Тома заявила, что беременна и что отец с матерью приедут в ближайшие выходные принимать от Вити сватовство. Новожилов слегка обалдел от такого поворота и стремительно развивающихся событий, опешил настолько,

что просто не успел все как следует обдумать и просто промямлил нечленораздельно, что да, конечно, так и будет...

Родители Тома оказались еще более ушлыми в этом плане. Виктор помнил, какие глаза были у его мамы, доцента кафедры гинекологии, когда новоявленная сваха обстоятельно изложила за столом программу дальнейшей жизни молодых. Что жить они будут поначалу у Новожиловых, но с рождением ребенка им, конечно, понадобится отдельная жилплощадь. Что Томочке необходимо взять академический отпуск в связи с ее положением, а заканчивать институт она будет после. Что на свадьбе с их стороны будет не менее сорока человек, по-другому никак нельзя, потому что это все самая ближайшая родня. И что расходы, разумеется, должна взять на себя семья жениха, потому что с них, бедных крестьян, просто нечего взять. Да, и подарком молодым на свадьбу должен стать личный автомобиль, чтобы удобно было возить ребенка на дачу...

Родители Виктора были ошарашены не меньше его самого. Отец даже поговорил с ним крупно по этому поводу. Это уже потом Виктор понял, что отец в душе надеялся, что сын откажется от этой затеи. И осознавал, что отказаться, по сути, было можно, отец со своими связями все уладил бы. В конце концов, от навязчивой девчонки и ее родни можно было откупиться. Это в любом случае было лучше, чем ломать судьбу. Но Виктор проявил малодушие. Он тогда здорово перетрухнул, испугался деревенского напора и пошел по пути

наименьшего сопротивления.

Жалел ли он впоследствии об этом? Конечно, жалел. Однако сумел привыкнуть к ситуации и даже приспособиться к ней. Отец тогда хорошо подсуетился, обеспечил молодых и отдельной квартирой, и машиной, и собственной дачей. В общем, весь стандартный набор благ, о которых мечтал каждый советский человек, но занять которые мог далеко не всякий...

С тех пор минуло уже почти сорок лет. Дочь Альбина, которую Тамара благополучно родила через четыре месяца после свадьбы, давным-давно обзавелась своей семьей, выйдя замуж за человека, далекого от медицины, но весьма обеспеченного, и родила собственную дочь. Так что Виктор Иннокентьевич на пару с Тамарой Петровной уже двенадцать лет как были дедушкой и бабушкой.

Виктор Иннокентьевич смерил взглядом тело супруги, мирно похрапывавшей рядом. М-да... «Для дедушки самая невыносимая мысль – это то, что он спит с бабушкой!» – невольно всплыли в памяти слова анекдота, недавно услышанного на банкете по поводу чествования одного из коллег в связи с присвоением докторской степени.

Что касается Тамары Петровны, эти слова были самыми что ни на есть справедливыми. Она как-то очень быстро утратила первоначальное очарование юности, обрезала свои длинные льняные волосы, бывшие, по сути, единственным достойным украшением ее внешности. Раздалась в талии и

бедрах, груди ее налились спелым соком, став похожими на длинные желтоватые азиатские дыни, а затем, пообвиснув, потеряли всякую форму.

Виктор Иннокентьевич снова покосился на супругу. Оде-
яло задралось с одного бока, и его взгляду предстали толстые
ляжки, покрытые целлюлитными комками, икры с синими
узлами варикоза, расплывшееся лицо с двойным подбород-
ком и обвисшими щеками, ставшими похожими на бульдо-
жьи...

Новожилов ощутил нечто похожее на отвращение. Да, за-
пустила себя женушка, запустила... С тех пор как стала су-
пругой студента, сделавшего вскоре отличную карьеру и до-
росшего до главврача городской больницы, так и опустилась.
Успокоилась, что нашла свое место в жизни, и теперь супруг
от нее никуда не денется. Деться, собственно, было можно, и
Виктор Иннокентьевич порой предавался подобным мечтам,
однако в душе понимал, что все это иллюзии. Вырваться из
цепких лап хваткой супруги у него не хватило бы духу. Он
вообще по натуре был довольно мягкотелым. Да что там гре-
ха таить – откровенно трусливым. Как был трусом с детства,
так и остался. К тому же он отлично понимал, что придется
делить совместно нажитое имущество, и уж тут Тамара вы-
жмет из него по максимуму. И в очередной раз оценив все
«за» и «против», Виктор Иннокентьевич пришел все к тому
же выводу: уж лучше так, как есть. Плохо, но привычно.

Сама же Тамара Петровна словно не замечала перемен,

произошедших в ней самой. Собственно, перемены эти касались в первую очередь ее внешнего вида, в душе же она оставалась той, кем и была, – прижимистой, недалекой, но хитровой деревенской простушкой. Правда, сама признавать этого категорически не хотела, стыдилась своего происхождения. Даже дочь назвала по-городскому – Альбиной...

Виктор Иннокентьевич вспомнил, как приходилось ему краснеть, когда жена предпринимала отчаянные попытки казаться своей в кругу профессорской элиты, к которой примыкал ее муж. Как накупала тоннами драгоценные украшения, разумеется, куталась в меха, считая натуральную шубу главным показателем высокого уровня. Но манеры, речь, поведение... Все это тут же открывало истинную сущность этой женщины.

Виктор Иннокентьевич помнил, как она в гостях, приняв на грудь несколько рюмок водки и крякнув от удовольствия, принималась громко петь частушки, ловил недоуменные, полные откровенной насмешки взгляды своих коллег и не знал, куда деть глаза от стыда.

«Ой-е-ей! – мысленно вздохнул он. – Позорище-то какое!»

На его робкие замечания жена лишь отмахивалась крепкой мужицкой рукой и вновь возвращалась к народному репертуару. Поддержать интеллектуальную беседу она не могла при всем желании, однако порой пыталась с важным видом вставлять собственные комментарии, чем вносила еще

большую неловкость. Институт она, кстати сказать, так и не закончила, уйдя в бессрочный академический отпуск. Зато с гордостью повторяла, что имеет незаконченное высшее образование, хотя ушла из института после второго курса...

Супруга захлебнулась очередной особенно длинной руладой храпа, повернулась во сне, больно задев мужа мощным коленом. Виктор Иннокентьевич невольно выругался, потом раздраженно отбросил одеяло и встал с постели. Он уже давно подумывал о том, чтобы иметь отдельную спальню. Однако Тамара Петровна распланировала в их особняке все таким образом, что для дополнительной спальни не оставалось свободных комнат. Правда, у Виктора Иннокентьевича оставался личный кабинет, и он специально поставил там кожаный диван, на котором порой и ночевал, ссылаясь на то, что у него много работы и он не хочет беспокоить супругу, возвращаясь на их ложе под утро... На самом деле ему просто неприятно было делить постель с Тамарой.

Тамару Петровну такое отношение не устраивало, хотя Виктор Иннокентьевич никак не мог понять почему. Сексуальная близость между ними давным-давно сошла на нет, он уже даже не мог вспомнить, сколько лет назад это было в последний раз. Он и раньше-то не слишком охотно шел на этот контакт, а после стал уклоняться все чаще и чаще под благовидными предложениями. Супруга же не проявляла инициативы, погрязнув в бытовых хлопотах.

Она обожала контролировать ведение домоводства, кото-

рое спихнула на домработниц, обожала проверять их работу и распекать на все лады. Частенько увольняла провинившихся, как она считала, девушек, заменяя их другими. Например, могла придраться, что из двух кур получилось гораздо меньше котлеток, чем выходило по ее прикидкам, намекая, таким образом, на воровство. Подкидывала деньги в разные места, собственные драгоценности, дабы спровоцировать домработниц на то, чтобы они их присвоили. И очень любила ругать за всякую ерунду вроде выброшенных упаковок, к примеру, из-под йогурта, которые можно было использовать под рассаду.

Такая крестьянская скупость поражала Виктора Иннокентьевича, который отлично знал, что в других вопросах жена транжирит куда большие суммы, чем те, что могли быть потрачены на приобретение специальной тары для рассады. Тамара Петровна не скупилась на всякие вкусности для себя, на новую одежду, золотые украшения, какие-то вазочки, статуэтки и прочую дребедень. Виктор Иннокентьевич как-то в разгар пресловутого экономического кризиса, когда почти совсем прекратилось выделение средств из бюджета на их больницу, попросил супругу быть аккуратнее с расходами и даже составить смету на месяц, внеся в нее лишь самое необходимое. Раньше он никогда не требовал ничего подобного, и Тамара Петровна была очень недовольна новой просьбой. Однако спустя два дня представила ему с поджатыми губами список. Виктор Иннокентьевич просмотрел его

и оторопел. Жизненно необходимых приобретений набегало на сто тысяч рублей! Причем больше половины того, что жена внесла в него, можно было просто не покупать. Однако когда он сделал ей замечание по этому поводу, Тамара Петровна стала гранитной стеной, обвинила его в жадности и мелочности, и Виктор Иннокентьевич по своему обыкновению махнул рукой.

Так что домработницы сменялись по самым разным поводам. Поводы, как считал Виктор Иннокентьевич, были надуманными, но отменить железное решение Тамары Петровны был никто не в силах. Да он и не старался особо – пусть ее тешится, лишь бы его не трогала. В глубине души у него была мысль, что Тамара Петровна таким образом избавляется от потенциальной соперницы. При этом Виктору Иннокентьевичу казалось, что ей глубоко безразличен сам факт – позволяет Виктор Иннокентьевич себе что-то с этими девицами или нет. Тамару Петровну волновало лишь то, чтобы эти связи – если возникнут – не несли угрозы ее супружескому положению и не подрывали семейный бюджет. А остальное – дело житейское.

Виктор Иннокентьевич, правда, никогда ничего подобного себе не позволял. Путаться с домработницами он считал пошлым. А свои сексуальные потребности удовлетворял по-другому. Во-первых, частые выезды в санатории и дома отдыха, а также просто на природу в рамках корпоратива для человека его уровня сами по себе предполагали наличие де-

вушек. Но это были единичные связи, а помимо них был у Виктора Иннокентьевича многолетний роман. Точнее, романом это назвать было сложно, скорее это были просто близкие отношения, но отношения прочные и стабильные. Хотя не совсем равноценные...

Заведующая хирургическим отделением Пятой Городской больницы Маргарита Старыгина была его любовницей уже больше десяти лет – практически с того самого момента, как пришла работать в больницу рядовым врачом. Для всех она была Маргаритой Федоровной – холодноватой, неприступной и даже жесткой. А для него она была Риткой. Правда, так называть ее он мог позволить себе только наедине...

Виктор Иннокентьевич не признавался даже самому себе, что Ритка для него была куда более значима, чем он для нее. Высокая, достаточно стройная, несмотря на сорок с небольшим, она всегда была уверенной в себе и даже властной женщиной. Но это не была властность Тамары, распространявшаяся только на быт и хозяйство. Ритка властвовала в постели. Там она крутила Виктором Иннокентьевичем как хотела, отлично чувствуя, что ему это нравится. Возможно, комплексы и статус подкаблучника, с которым он жил, были подсознательно перенесены им и в сексуальную сферу, но Виктор Иннокентьевич постоянно отмечал, что обожает подчиняться Риткиным приказам, любит доставлять ей удовольствие больше, чем она ему, и сам от этого приходит в экстаз. Ритка и в постели была резкой, даже насмешливой, но при

этом горячо любящей сам процесс.

Виктор Иннокентьевич очень ценил эти отношения. По сути, Ритка была единственной отдушиной в его вполне внешне благополучной и даже комфортной, но, в общем, несчастливой жизни. Ценила их и Ритка. Правда, мерило оценки у нее было совершенно иное. Ритка, так же, как и Виктор Иннокентьевич, не была свободной. Она была замужем. И никто из них не собирался что-либо менять в своей семейной жизни. Правда, если у Виктора Иннокентьевича хотя бы на уровне иллюзий возникали иногда подобные мысли, то уж Ритку-то все устраивало самым лучшим образом.

Ее муж, Павел Васильевич Старыгин, работал в той же Пятой Городской больнице. Это был долговязый, несколько хмурый человек с аккуратно подстриженной бородкой, довольно замкнутый, всегда одинаково ровный со всеми. И при этом производивший впечатление человека трагической судьбы. Павел Васильевич когда-то учился вместе с Риткой на одном курсе медицинского института, однако женившись на своей сокурснице, вынужден был оставить учебу и заниматься банальным обеспечением семьи. Во многом это было инспирировано самой Риткой, очень требовательно относящейся к материальному уровню. Однако Ритка же за недостаток образования потом нещадно гнобила мужа, порой не стесняясь делать этого прилюдно, чтобы уколоть больше, — она вообще была склонна к злым, циничным высказывани-

ям. При этом та же Ритка готова была горло перегрызть каждому, кто осмелился бы бросить камень в ее мужа или намекнуть, что тот на фоне своей успешной супруги выглядит полным неудачником.

Ритка по-своему любила мужа, к этому выводу Виктор Иннокентьевич пришел давно. Да она и сама как-то откровенно призналась ему в этом, хотя вообще-то была не склонна раскрывать душу перед кем бы то ни было. Любовь эта была своеобразной, нетипичной, странноватой. Ее можно было сравнить с любовью матери к непутевому ребенку – непутевому, но родному. Ритка всячески заботилась о муже – так, как считала нужным. Когда у Павла на фоне комплекса неполноценности начались проблемы с алкоголем, Ритка решительно пришла к Виктору Иннокентьевичу и потребовала, чтобы тот пристроил Павла Васильевича в больницу. Тот поначалу возразил:

– Кем же я его возьму? Врачом не могу, он только три курса закончил. Не сторожем же мне его пристраивать?

– Ничего, – уверенно заявила Ритка. – Он до института закончил медучилище, факультет фармакологии. Пусть лекарствами заведует.

И Павел Васильевич получил весьма престижную должность главного заведующего лекарственным складом Пятой Городской больницы. Должность эту он принял как нечто само собой разумеющееся и никогда не то чтобы не заискивал перед Новожиловым, благодаря которому и попал на нее, а

даже не выказывал элементарной благодарности. И это крайне возмущало Виктора Иннокентьевича, хотя он и не признавался, что в нем говорит обычная ревность...

Павел Васильевич, проходя мимо Новожилова, никогда не улыбался и не пытался пожать ему руку, в отличие от других врачей-мужчин. Он лишь молча, сухо кивал ему в знак приветствия и в ответ получал снисходительный, покровительственный кивок. Потом как-то мрачно усмехался и проходил мимо, что-то бормоча себе под нос. Виктор Иннокентьевич бесился, стараясь не выдавать своих чувств, хотя внутри у него все кипело, однако ему это плохо удавалось.

«Знает он о нас с Риткой? Знает или нет?» – неоднократно думал Виктор Иннокентьевич, наблюдая из окна своего кабинета, как длинная, сутулая фигура завскладом движется через больничный двор.

Он даже решился как-то задать такой вопрос Ритке.

«Не забивай голову, – был ответ. – Моя семья – мои проблемы!»

Однако в последней фразе Виктор Иннокентьевич ощущал откровенное лукавство. Семейные проблемы Ритка очень грамотно вешала на него. Устраивала все так, что Виктор Иннокентьевич сам брался за их решение. Заведующей хирургическим отделением с хорошим увеличением оклада стала благодаря опять же его протекции. Ради этого пришлось даже сместить с этой должности Станислава Михайловича Миющенко – грамотного, хорошего хирурга.

Однако дабы не обижать его, Новожилов специально ради Миющенко ввел несуществующую должность – старший хирург. Миющенко, узнав об этом, только усмехнулся и бросил: «Весьма благодарен, Виктор Иннокентьевич!» Но при этом посмотрел так, что у Новожилова потом еще долго кошки скребли на душе, и он наказал Ритке не наглеть и не обижать Станислава Михайловича в плане выгодной работы. Ритка обещала и старалась обещание держать.

Конечно, положение заведующей отделением не шло ни в какое сравнение с не слишком вразумительным статусом «старшего хирурга». Ритка отлично владела ситуацией в своем отделении, знала всех перспективных больных. Перспективных – то есть выгодных. Проще говоря, тех, с кого можно взять за операцию хорошие деньги.

Ритка обычно выясняла, что собой представляет семья больного ребенка, потом отводила родителей в сторону и говорила, что очень сочувствует их беде и готова как заведующая лично взять на себя ответственность за операцию. Расстроганные родители кивали и благодарили, после чего Маргарита Федоровна называла сумму. Как правило, родители готовы были заплатить, хотя Риткины аппетиты порой были весьма высоки. Подобных операций за месяц было не менее десяти. Таким образом, Маргарита Федоровна была обеспечена очень хорошо. Разумеется, не забывала и о коллегах. Тому же Миющенко оставляла парочку операбельных больных, согласных отблагодарить хирурга. Хотя по сравнению с

ней это были просто крохи. К тому же Миющенко приходилось делиться еще и с анестезиологами, от которых во многом зависел исход операции.

Как наживался средний и младший персонал, Старыгина не слишком интересовалась, знала в общих чертах. Собственно, как и везде: плата за уколы, которые должны делаться бесплатно, требование денег за перевязочные материалы, которые также выделялись для каждого отделения, замена дорогих препаратов куда более дешевыми отечественными аналогами... Ну, а санитарки вообще народ простой: за каждое вынесенное судно у них определенная такса, за то, чтобы подежурить ночью у прооперированного ребенка, – другая. Сами подходили к родителям, вызывались подежурить, хотя это и так была их прямая обязанность.

Старыгина все это знала, молча попустительствовала, а если возникал какой-то скандал, нещадно увольняла прощтрафившуюся медсестру или санитарку. Не за то, что нарушила трудовую дисциплину, а за то, что попалась. Не умеешь – не делай, делаешь – не попадайся, таков был молчаливый девиз заведующей отделением. И Виктор Иннокентьевич в душе одобрял подобный подход. В отделении у Ритки всегда был порядок, оно считалось образцовым. И даже если случался летальный исход, главный врач был спокоен: Маргарита Федоровна всегда очень грамотно повернет дело так, что никто из врачей не будет признан виновным. Да и вообще, дело даже до суда не дойдет.

Словом, Виктор Иннокентьевич ценил свою протезе и как любовницу, и как профессионала, и всячески старался для нее. Бесплатные путевки в санатории, операции самым выгодным в экономическом плане пациентам, лучшее оборудование в ее отделение – все это делалось по велению Виктора Иннокентьевича. Новожилов и с переездом на новую квартиру Ритке помог, и ребенка определить в элитную гимназию...

Ритка ко всем этим благам относилась как к чему-то само собой разумеющемуся. Никогда не кланялась, не просила – требовала. Но не так, как его жена Тамара своей безыскусной нахрапистостью, а так технично, словно благодушно позволяла заботиться о себе. Так, что Виктор Иннокентьевич даже чувствовал порой, будто это он обязан Ритке! Знала, стерва, как себя вести с ним, умело манипулировала!

А Виктор Иннокентьевич действительно был обязан ей. Обязан пусть редкими, но столь сладкими мгновениями... Ритка, зараза, в постели творила чудеса! Виктор Иннокентьевич чувствовал, что находится на своеобразном крючке у этой женщины. Разве могли эти молоденькие девочки, с которыми он периодически расслаблялся в саунах, сравниться с нею? Кроме соблазнительных юных тел, у них не было ничего. Ритка же и в свои сорок с лишним была хороша. Объективно, конечно, уже не девочка. И грудь слегка подвисает, и бедра начали раздаваться... Но следит за собой тщательно. На одни только ляжки свои кучу денег тратит. А почему

бы не тратить, если Виктор Иннокентьевич помогает? И еще заявляет при этом нагло с обольстительной улыбкой: «Ты же хочешь, чтобы я тебя возбуждала?»

Господи, конечно, хочет! Разве жалко Виктору Иннокентьевичу денег на это? Ритка, правда, и без всяких омолаживающих процедур умеет завести его так, что голова кругом идет, прямо разум теряет Виктор Иннокентьевич, порой даже за сердце беспокоится! А она только посмеивается, зараза!

...Виктор Иннокентьевич очнулся от своих мыслей и направился в ванную. Сегодня была суббота, и он имел законное право остаться дома, однако Новожилов привык ежедневно навещать больницу и следить за тем, что там происходит. К тому же сегодня должна была дежурить Ритка, и он надеялся, повидавшись с ней днем, договориться о встрече вечером. Встретиться можно было в гостиничном номере, что они обычно и делали. И тогда...

Виктор Иннокентьевич ощутил сладостный холодок, неизбежно возникающий всякий раз, когда он представлял себе обнаженную Ритку. Сейчас это ощущение было особенно острым. Виктор Иннокентьевич наскоро побрился и, не став завтракать, спустился по лестнице вниз. Желание хотя бы увидеть Ритку стало нестерпимым.

«Черт знает что такое, как мальчишка, честное слово!» – мысленно укорил он себя, двигаясь к автомобилю.

Постоянный водитель, отлично осведомленный о режиме

дня своего шефа, отложил утреннюю газету, которую читал, ожидая появления Виктора Иннокентьевича, проворно распахнул дверцу и поприветствовал его.

– Привет, – небрежно бросил Новожилов, усаживаясь на переднее сиденье и набрасывая ремень безопасности. – В больницу.

Водитель кивнул, и машина тронулась с места. Новожилов откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Воображение рисовало ему сегодняшний вечер с Риткой, и фантазии его становились все смелее и смелее. Когда они въехали в ворота больницы, настроение у Виктора Иннокентьевича было на пиковом уровне.

Оно испортилось буквально в следующую минуту, когда Новожилов натолкнулся на фигуру Павла Старыгина, неизвестно что делавшего в больнице в этот субботний день. Старыгин шел по двору, одетый в свой халат, и держал в вытянутых руках какую-то коробку. По своему обыкновению он едва заметно кивнул Новожилову и собирался было пройти мимо, но главврач окликнул его:

– Павел Васильевич, а ты почему сегодня здесь?

– Дела, – не останавливаясь, бросил на ходу Старыгин и вдруг спросил насмешливо, как показалось Виктору Иннокентьевичу:

– А вы что здесь забыли?

– У меня, знаешь ли, дела поважнее, чем у тебя! – надменно ответил Виктор Иннокентьевич и быстро двинулся к

больничному корпусу.

– Это конечно, – долетело до него издали, но Новожилов не обернулся.

Он поспешил поскорее пройти к двери и скрыться за ней, чувствуя, что у него начинают гореть уши, словно у мальчишки, застигнутого за воровством яблок с соседской яблоньки.

«Да что это такое? – злясь на самого себя за это чувство, подумал Новожилов. – Что он себе воображает, этот жалкий аптекарь?»

Виктор Иннокентьевич первым делом прошел к себе в кабинет. По случаю субботы секретарши на месте не было. Приемная была пуста, и это сейчас было на руку главному врачу. Ему никого не хотелось видеть.

Он запер кабинет изнутри и прошел к своему столу. Немного подумав, достал из нижнего ящика бутылку коньяка и плеснул себе в стакан граммов пятьдесят. Вообще-то, Новожилов не был поклонником алкоголя, однако сейчас ощущал потребность немного выпить, чтобы расслабиться и снять напряжение, вызванное сексуальными фантазиями и неприятным столкновением со Старыгиным.

Залпом опустошив стакан, Виктор Иннокентьевич откинулся на высокую спинку кожаного кресла, ощущая, как по телу разливается приятное тепло. Нет, нужно успокоиться, взять себя в руки и не обращать внимания на этого недоучку! Муж тоже мне, объелся груш! Пальцами стоит щелкнуть

Виктору Иннокентьевичу – и его здесь не будет! Глазом не успеет моргнуть, как вылетит со своего склада. Ноги должен ему целовать за то, что имеет эту должность!

Виктор Иннокентьевич посидел некоторое время в тишине, упиваясь осознанием собственной власти. Из этого состояния его вывел звонок сотового телефона. Взглянув на экран, он увидел незнакомый номер.

«Отвечать – не отвечать?» – поколебался Новожилов, однако звонок не умолкал, и он нажал кнопку соединения.

– Слушаю!

– Виктор Иннокентьевич? – А вот голос абонента был отлично знаком Новожилову. – Рад приветствовать! Как драгоценное здоровычко?

Звонивший даже не удосужился представиться, видимо, абсолютно уверенный в том, что Новожилов и так его узнает.

– Здравствуйте, Роман Валентинович! – проговорил Новожилов, ощущая, как в голосе предательски зазвучали подбострастные нотки. – Спасибо, все хорошо. Рад вас слышать!

Это была неправда. Слышать голос министра здравоохранения Романа Валентиновича Андрейченко никогда не было для Новожилова радостью. Потому что он отлично понимал, что тот звонит отнюдь не для того, чтобы поинтересоваться состоянием здоровья Виктора Иннокентьевича.

– Вот хочу тебя пригласить за город сегодня вечером. Как ты на это смотришь?

– Положительно, – проглотив слюну, ответил Виктор Иннокентьевич, поскольку знал, что другого ответа просто не может быть в принципе. Министр не приглашал, он ставил перед фактом.

– Тогда часиков в семь подъезжай в «Лагуну». Разумеется, с ночевкой. А что ты беспокоишься? Завтра выходной!

– Да я не беспокоюсь, – принялся оправдываться Новожилов.

– Вот и отлично, – прервал его Андрейченко. – Вопросик один обсудить нужно. Вот мы и совместим приятное с полезным, верно?

И, не дожидаясь ответа Новожилова, отключил связь. Новожилов еще некоторое время смотрел на трубку, потом раздраженно бросил ее на стол.

Настроение совсем испортилось. Во-первых, все фантазии летели в тартарары – ясное дело, что с Риткой он сегодня не увидится. Точнее, увидится, но и только. Во-вторых, сам факт, что министр здравоохранения собирается обсудить с ним некий вопрос, заставлял нервничать. Хотя...

Виктор Иннокентьевич выпил еще коньяка. Спиртное все-таки подействовало расслабляюще, и он уже не смотрел на ситуацию столь мрачно, стараясь найти в ней положительные моменты. И первый из них просматривался сразу же. Вопрос, который звал его обсудить министр, был, конечно, непростым. Но он, скорее всего, сулил и некие перспективы. И в первую очередь, денежные. Новожилов уже не раз

соприкасался с Андрейченко и знал, что свою долю он получит. Так что осталось только узнать, в чем, собственно, состоит вопрос. А деньги – дело такое, что лишними никогда не бывают. К тому же их количество способствует укреплению отношений с Риткой.

Вспомнив о том, что Ритка сейчас находится здесь, Виктор Иннокентьевич решил хотя бы поговорить с ней. Заодно пусть расскажет, как обстоят дела в отделении. Набрав номер хирургического отделения, он вскоре услышал резковатый, чуть с хрипотцой голос Ритки:

– Второе хирургическое!

– Маргарита Федоровна, – невольно придавая своему голосу официозные нотки, заговорил Виктор Иннокентьевич. – Это Новожилов. Зайдите ко мне, пожалуйста!

– Сейчас буду, Виктор Иннокентьевич, – тотчас откликнулась Ритка, и Новожилов, положив трубку, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза в блаженном ожидании...

Маргарита пришла очень быстро, без стука вошла в кабинет уверенной, пружинящей походкой и опустилась в кресло напротив Виктора Иннокентьевича, закинув ногу на ногу. Новожилов несколько секунд созерцал ее стройные ноги в светло-коричневых блестящих колготках, сдерживая желание погладить их ладонью. Вместо этого он провел рукой по редющим волосам, улыбнулся и спросил:

– Ну, как дела, Маргарита Федоровна?

– Все в порядке, Виктор Иннокентьевич! – бодрым го-

лосом принялась рапортовать Ритка. – Мальчика с паховой грыжей прооперировали, девочку Крылову из седьмой палаты переводим в терапевтическое, поскольку там не наш случай. Также...

Виктор Иннокентьевич слушал Ритку вполуха. Он знал, что та сама отлично разбирается в ситуации, которая царит в ее отделении, и вызвал ее для доклада чисто формально. Ему просто хотелось увидеть Ритку. В больнице они всегда разговаривали друг с другом на «вы», даже если находились наедине. И старались вести себя официально во избежание кривотолков, хотя об их отношениях было известно всему персоналу.

Виктор Иннокентьевич думал сейчас о том, как сообщить Ритке, что их предполагаемое свидание сегодня вечером не состоится. Кроме того, его подмывало завести разговор о муже Маргариты. Почему-то мысль о том, что он в курсе их связи, заставляла его испытывать душевный дискомфорт. Сказывалась, видимо, все та же природная трусоватость, ибо бояться подчиненного ему, главному врачу, было просто нелепо.

Он уже открыл было рот, как в кабинет робко постучали. Новожилов нахмурился и не очень довольным тоном громко произнес:

– Да!

В кабинет протиснулась тоненькая фигурка. Присмотревшись, Новожилов узнал Наташу Краснову, врача-интерна из

отделения Маргариты. Лицо у нее было озабоченным.

– Прошу прощения, Виктор Иннокентьевич! – торопливо заговорила она. – Но мне очень нужна помощь Маргариты Федоровны!

– Что случилось? – Ритка приняла сосредоточенный вид.

– Девочке из пятой палаты плохо. Катя Сеницына, семь лет, с до конца не установленным диагнозом, помните?

Ритка кивнула с серьезным видом.

– Понимаете, с утра жалуется на слабость, два раза была рвота. Я решила посоветоваться с вами, а пока назначила...

Наташа перечислила свои действия, Ритка с самым внимательным видом выслушала ее, потом кивнула и сказала:

– Что ж, Наташа, вы все сделали правильно. Пойдемте, посмотрим. Виктор Иннокентьевич! – обратилась она к Новожилову. – Не хотите лично взглянуть? Та самая девочка, о которой я вам рассказывала вчера.

– Да, конечно! – Новожилов тоже стал само внимание.

Он поднялся из-за стола, и все трое вышли из кабинета. Главный врач запер дверь, и они направились в хирургическое отделение.

Катя Сеницына лежала на постели под капельницей. Лицо девочки было бледным, русые, завитые колечками волосы намокли от пота. Маргарита Федоровна первой прошла к ее кровати, поздоровалась с Катей и принялась осматривать ее. Затем проверила систему, повернулась к Наташе и сказала:

– Добавьте в систему корденин и витамины. Состояние

стабилизирuem. Давно она чувствует себя плохо?

– Вчера вечером началась слабость, – ответила сама Катя. – И тошнило...

– Ничего, детка, это пройдет, – улыбнулась ей Старыгина. – Виктор Иннокентьевич, вы согласны?

– Конечно, все будет хорошо, – поддержал ее Новожилов. – Ты, Катя, главное, не волнуйся. Здесь такие врачи, что поставят тебя на ноги так, что ты даже не заметишь! Будешь и бегать, и прыгать, и танцевать!

– А откуда вы знаете, что я танцую? – удивленно спросила Катя.

Новожилов смутился. Он понятия не имел о том, занимается Катя танцами или нет, просто попал пальцем в небо.

– А у меня должность такая, – подмигнул он ей. – Мне положено все про вас знать! Ладно, девочки, поправляйтесь! – подвел он итог, и все трое вышли в коридор.

Когда тройца остановилась у окна в коридоре, Маргарита Федоровна сказала:

– Случай сложный, неоднозначный. Девочка лежит у нас уже около недели, но состояние не нормализуется.

– Станислав Михайлович говорил, что считает целесообразным обсудить вопрос об операции, – добавила Наташа вполголоса.

Маргарита Федоровна сдвинула брови и покосилась на Новожилова. Тот пока никак не реагировал, лишь смотрел на своих коллег-подчиненных и слушал.

– А кто у нее родители? – тем временем обратилась Маргарита Федоровна к Наташе.

– Родители... – Наташа словно не ожидала такого вопроса и немного растерялась. Потом взгляд ее упал за окно, и она вдруг радостно воскликнула: – А вот как раз и они. Мама Кати и... – она чуть замялась, – и отчим.

Новожилов и Старыгина проследили глазами за взглядом Наташи. Из сверкающего черного джипа выходила стильно одетая женщина. Маргарита Федоровна тут же наметанным глазом оценила и фирменную одежду ее и спутника, и серьги с бриллиантами в маленьких ушах, и дорогой автомобиль. Затем обменялась с Новожиловым многозначительным взглядом и сказала:

– Что ж, Виктор Иннокентьевич, думаю, что вопрос об операции действительно нужно решать!

– Разумеется, если терапевтические методы не дают эффекта, – кивнул Новожилов.

– Сначала, конечно, проведем обследование... – продолжая смотреть в окно, заговорила Старыгина. – Соберем также все анализы, а операцию, думаю, сделаем где-то через недельку. Причем я лично беру на себя ответственность. Такой сложный случай я просто не могу доверить никому другому.

– Вы абсолютно правы, Маргарита Федоровна, – подхватил Новожилов. – Кстати, компьютерную томографию девочке сделали?

– У нас томограф опять сломался, Виктор Иннокентьевич! – расстроено прижала к груди руки Наташа.

– Да, Виктор Иннокентьевич! – вставила и Старыгина, только совсем другим тоном. – Я уже много раз говорила о том, что нужно новое оборудование! Без томографа мы как без рук! Больные вынуждены ждать по несколько дней, пока его починят, а не мне вам объяснять, насколько важны бывают эти несколько дней!

– Я отлично все понимаю, Маргарита Федоровна! – Лицо главного врача стало чрезвычайно серьезным. – Постараюсь решить вопрос в самое ближайшее время.

«Надо же, как уверенно и даже властно Маргарита Федоровна разговаривает с главврачом! – невольно поразились про себя Наташа. – И ведь, по сути, она права. Но вот я, наверное, никогда не научусь так вести себя с начальством!»

В коридоре послышался стук каблуков, а затем появилась мать Кати, которая быстро приближалась к ним. Она была одна – спутник ее остался в машине.

– Виктор Иннокентьевич, я считаю, что сейчас самый подходящий момент, чтобы побеседовать с матерью Кати, – быстро сказала Старыгина.

– Конечно, идите, – напутствовал ее Новожилов. – Только потом еще зайдите ко мне, хорошо? Мы с вами не обсудили еще ряд вопросов.

– Конечно, конечно, – уже на ходу кивнула Старыгина, направляясь к женщине и приветливо улыбаясь ей.

Однако по мере приближения лицо Маргариты Федоровны стремительно приобретало деловые черты. Мать Кати остановилась, с тревогой глядя на заведующую, а та, отведя ее в сторонку за руку, принялась объяснять ситуацию.

Новожилов, поняв, что его присутствие здесь излишне, пошел обратно в свой кабинет, а Наташа, немного постояв одна, отправилась в ординаторскую. Она очень переживала за Катю Синицыну...

* * *

Офис фирмы «Дионис» непосредственно примыкал к заводу, где и производилась «народная» водка. Это было достаточно унылое барачное здание социалистических времен. Туда-то мы с Михаилом Черновицким и прибыли октябрьским субботним днем. Небо было хмурым, и казалось, вот-вот начнет накрапывать нудный осенний дождик. Погода явно капризничала и дразнилась: если с утра светило яркое солнышко, то сейчас от него не осталось и следа, небо заволкло тучами, и задул противный ветер. Михаил Черновицкий поежился и втянул голову в капюшон своей неизменной серой куртки, в которой ходил, кажется, круглый год. Почему-то он принципиально не менял ее: то ли так сильно был к ней привязан, то ли из соображений экономии. Михаил вообще отличался некоторой скупостью, что часто являлось поводом для насмешек юмористов нашего отделения.

Я люблю поездки с нашим уважаемым экспертом, несмотря на то, что остальные оперативники недолюбливают его за склочность и взрывчатость характера, а также за упрямство. Но я склонен рассматривать Черновицкого как комика, посланного нам в Управление высшими силами, и потому стараюсь не обращать внимания на его отрицательные черты... Его непоседливость и вместе с тем ворчливость порой поднимают настроение, а некоторые его высказывания – а надо признать, с юмором у него все в порядке – позволяют лучше переносить рутину полицейской службы.

В этот день Михаил Степанович начал с недовольного замечания о том, что у него в очередной раз сломалась машина, и ему давно пора ее чинить, но зарплаты не хватает, а этому «лысому толстопузу» – так ласково именовал он подполковника Герасимова – и дела нет. Он уже отошел от обиды на свою жену, о которой с горечью рассказывал мне в первой половине дня, и переключил свой гнев исключительно на начальство.

Прибыв на место, эксперт тут же выразил недовольство тем, что до сих пор не прибыл никто из вызванного мной руководства «Диониса», и вознамерился в качестве штрафа потребовать ящик водки. Я усмехнулся – сам Михаил Степанович был слаб здоровьем и практически не пил.

– Ну, где он, этот твой Голубицын? – нервно прохаживаясь туда-сюда перед входом в «Дионис», злился Черновицкий.

В это время в ворота въехал желтый «Опель», и я заметил на водительском месте большую голову с толстой борцовской шеей. На щеке виднелось довольно заметное родимое пятно. Выражение лица водителя казалось абсолютно непробиваемым, как будто это ехал робот. Черновицкий, приглядевшись, состроил свою обычную скептическую ухмылку, шумно выдохнул и произнес:

– А вот, похоже, и он... Ну и рожа!

Я невольно улыбнулся. Иной реакции от Черновицкого ожидать было трудно. «Робот» тем временем вылез из машины и грузно промаршировал к нам. Вблизи он оказался человеком с виду за пятьдесят, лысоватым и крепко сбитым.

– Голубицын, Николай Александрович, – мрачно, без единого намека на дружелюбие, пробурчал он.

– Синицын, Андрей Владимирович, – любезно ответил я, а Черновицкий пробурчал что-то невразумительное, исподлобья буравя Голубицына своими маленькими карими въедливыми глазками.

После этого Николай Александрович проследовал внутрь здания, приглашая нас последовать его примеру.

Когда я прошел внутрь, впечатление первоначальной унылости от офиса «Диониса» исчезло. Здесь по законам евродизайна помещение являло собой совершенно другое зрелище: белые, под мраморную крошку, обои, такая же белая оргтехника и четко выделявшиеся на всем этом белоснежном великолепии черные кресла на колесиках.

Голубицын открыл своим ключом кабинет и вошел внутрь. Мрачное выражение лица у него не исчезло, когда он осмотрел стоявший посреди комнаты стол, на котором стояли рюмки и бутылка водки. Я, отметив попутно, что производители «Диониса» предпочитали пить «Гжелку», а не свою рабоче-крестьянскую бурду, тут же предупредил Голубицына:

– Не трогайте здесь ничего.

Голубицын без единого признака эмоций на лице кивнул мне в знак того, что понял.

– Пройдемте в другую комнату, а здесь пока поработает наш эксперт, – предложил я.

Черновицкий раскрыл чемодан и начал свою обычную работу. Мы же с Голубицыным прошли в соседнюю комнату и расположились на мягком диване.

– Когда вы последний раз видели Скоробогатова? – спросил я.

– Вчера, где-то около часу ночи, там, – кивнул Голубицын в сторону комнаты, где проводил предварительную экспертизу Черновицкий.

– То есть вы были вместе.

– Вместе. Только не я один. С нами была еще Арцыхевич Серафима Яковлевна.

– Это кто?

– Наш главный бухгалтер, она скоро должна быть здесь, – пояснил Голубицын.

– А что вы там делали? – спросил я.

– Отмечали удачно проведенную сделку, – невозмутимо ответил замдиректора.

– То есть выпивали, – уточнил я.

– Ну да, – в первый раз на лице Голубицына появилось что-то похожее на человеческие эмоции – он чуть заметно хмыкнул, и глаза его потеплели.

– Когда вы разошлись?

– Да мы все поврозь разошлись, – пожал он плечами.

– Кто ушел первым?

– Арцыхевич. Ей муж позвонил по мобильному, и она сказала, что уходит. Ну, и ушла. Это было, – Голубицын немного подумал, – около двенадцати часов.

– А вы остались здесь вместе со Скоробогатовым еще на час?

– Да, я уехал домой в час ноль пять.

– Вы так хорошо это помните?

– Да, у нас часы громко бьют. Я как раз в час и засобирился – подумал, что уже пора. Ну, там пять минут на сборы, вот и получается, что в час ноль пять.

– Понятно. А что же Скоробогатов с вами не поехал? – спросил я. – Он что, здесь ночевать собирался?

– Вообще-то нет. Он домой собирался. Но ему кто-то позвонил. Я еще удивился – кто в такое время звонить будет. Он поговорил с полминуты – мол, приезжай, я в офисе. И все. Он как будто даже обрадовался, что я собрался домой, –

видать, разговор какой-то намечался у него важный. И, может быть, секретный... Ну, мало ли чего там. Я и спрашивать даже не стал.

– А у Скоробогатова было много секретных дел? – тут же спросил я, прицепившись к последним словам Голубицына.

– Да кто ж его знает, – снова пожал он широкими плечами.

– Ну как же так, ведь вы работаете вместе, Николай Александрович! – неожиданно каркнул Черновицкий из соседней комнаты со своими обычными язвительными интонациями.

– А я нелюбопытный человек, – невозмутимо покосился в его сторону Голубицын. – То, что нашей работы касается, Георгий от нас и не скрывал, а остальное – дело не мое. Мало ли какие у меня секреты могут быть.

– И какие же? – высунул любопытный нос Черновицкий.

– Ну, например, что у жены моей язва желудка! И я не хочу, чтобы всякий там посторонний об этом знал! – парировал Голубицын, уже с откровенной неприязнью глядя в пронзительные карие глаза эксперта.

– Все понятно, Николай Александрович, – вступил я, сделав знак неугомонному Черновицкому, чтобы он продолжал свою работу и не вмешивался в разговор.

В свою очередь Михаил Степанович одарил меня красно-речивым взглядом. Из многолетнего опыта совместной работы я понял, что он раскопал что-то весьма интересное. Кивнув ему, я вновь обратился к Голубицыну:

– А насчет его спонсорской помощи одному из кандидатов

в депутаты городской Думы вам что-нибудь известно?

– Нет, – отрезал Голубицын. – Я вообще не интересуюсь политикой! И мне все равно, кого он там спонсировал! Главное, что не из моего кармана!

– Угу, – кивнул я и задал следующий вопрос: – А вам такое имя – Игорь Кириллович Астахов – знакомо?

– Первый раз слышу, – не задумываясь, ответил Николай Александрович.

– Его супруга говорила, что это старинный приятель Георгия Анатольевича, – подсказал я, но Голубицын лишь повторил, что никогда раньше не слышал такого имени.

Я покивал и продолжил:

– Я вам дам лист бумаги, попробуйте подробно расписать, как развивались события в течение вчерашнего вечера... Какое у кого было настроение, о чем велся разговор, кто что делал – желательно прямо по минутам. Ну, насколько сможете, конечно.

И, оставив озадаченного, впавшего в угрюмое состояние заместителя директора наедине с его воспоминаниями, я поспешил к Черновицкому.

– Что тут у тебя? – спросил я, закрывая за собой дверь.

Черновицкий молча кивнул на одну из четырех рюмок, стоявших на подносе доньшками вверх.

– Ну и что? – пожал я плечами.

Черновицкий окинул меня полным презрения взглядом, потом с помощью пинцета приподнял одну из рюмок и по-

казал на свет. Я заметил едва различимые разводы на краях рюмки.

Теперь я уже ничего не говорил, только смотрел на Черновицкого. Тот сказал:

– Что это такое, я точно смогу определить только в лаборатории.

– Стоп! – неожиданно осенило меня. – А почему четыре рюмки? Их же трое было!

– Так этот ведь сказал, что кто-то позвонил и договорился о встрече, – напомнил мне Михаил.

– Выходит, он с ним выпивал, – задумчиво протянул я. – И что же, Скоробогатов после этого разговора принялся отмывать рюмки и наводить порядок? Будучи в довольно-таки сильном опьянении? Что-то это сомнительно... А эти рюмки все здесь стояли? – спросил я у Черновицкого.

Тот посмотрел на меня с выражением оскорбленного экспертного достоинства.

– Интересно, интересно, – продолжал бормотать я, а потом резко вышел в соседнюю комнату.

– Николай Александрович, а когда вы уезжали, на столе все по-прежнему оставалось? Ну, в смысле, порядок вы не наводили? – спросил я у заместителя директора.

– Зачем мне наводить? – недоуменно буркнул он.

– Ну, убрать там за собой со стола, рюмки помыть...

– У нас для этого секретарша есть, – совсем угрюмо сообщил Голубицын. – Она и помыла бы в понедельник с утра,

она ведь за полчаса до открытия приходит.

– А Георгий Анатольевич не стал бы убирать и мыть посуду?

– Да вряд ли, – хмыкнул Голубицын. – Зачем ему? Да он уже уставший был, откровенно говоря. Зевал даже.

– Угу, – кивнул я. – А о чем шел вообще разговор между вами?

– Вот я тут все пишу, – мрачно ткнул рукой в поданный мной листок Голубицын. – Потом читаете.

В этот момент дверь резко распахнулась, и в приемную буквально ворвалась женщина лет сорока, высокая, худая, с резкими чертами лица, с выдающимся хищным носом и глубоко посаженными черными глазами. Мне показалось даже в тот момент, что в комнату влетела какая-то птица.

– Здравствуйте, что у вас здесь происходит? – громко, резким голосом обратилась она к нам.

– Из полиции пришли, – все так же, без красок в голосе, сообщил Голубицын. – Георгий пропал.

– Как пропал? Куда пропал? Как такое может быть? – захлопала черными, густо накрашенными ресницами Арцыхевич.

– Вы успокойтесь, Серафима Яковлевна, – выступил я, поняв, что явилась бухгалтерша. – Присаживайтесь, постарайтесь вспомнить все, что было вчера. В каком настроении был Георгий Анатольевич...

– В нормальном, – отрубил Арцыхевич. – Мы выпили,

посидели... Я уехала первой. А что у вас здесь произошло? – обратилась она к Голубицыну.

– Ничего, – пожал плечами Голубицын. – Я после тебя через час уехал.

– Вы успокойтесь, Серафима Яковлевна, – невозмутимо повторил я. – Вы садитесь, возьмите листок бумаги и займитесь тем, что сейчас делает Николай Александрович, то есть вспомните и подробно опишите все события вчерашнего вечера. Ваш разговор, ваши действия, настроение и тому подобное. А я потом сравню ваши показания...

– Вы как будто подозреваете уже нас! – нервно передергивая плечами, отреагировала Арцыхевич и порывисто взяла листок бумаги.

– Работа такая, – проскрипел из соседней комнаты Черновицкий.

– А там еще кто? – подскочила на стуле Серафима Яковлевна.

Черновицкий высунул свое сухое, обветренное остроносое лицо. Он язвительным, сверлящим взглядом посмотрел на Арцыхевич, по своему обыкновению сделал шумный выдох, свидетельствовавший о его скептическом и ироничном отношении к этой женщине, и опять исчез в кабинете.

– Подождите, ведь к нему кто-то приезжал! – воскликнула Арцыхевич, уже собравшаяся писать, но вдруг отложившая ручку. – Ему же позвонил кто-то и попросил о встрече! Помните, Николай Александрович?.. Ах, вы совсем ничего

не помните! – с досадой махнула она рукой на Голубицына.

– Отчего же? Прекрасно помню, – невозмутимо отреагировал заместитель генерального директора. – Только что от этого толку? Мы же не знаем, кто это был.

– Подождите, подождите, – остановил я перепалку коллег. – Давайте по порядку. Скоробогатов что, ждал кого-то?

– Нет, – вылезла Арцыхевич. – Он очень удивился, когда услышал голос в трубке. Послушал немного, потом пожал плечами и говорит – ну хорошо, приезжай. А через некоторое время мы засобирались домой, а Жора остался – видимо, дожидаться этого человека.

– Понятно, это я уже слышал, – остановил я ее и посмотрел на Голубицына. – Так было дело?

– Да, так, – кивнул тот.

– И вы абсолютно никого не видели? Даже когда вышли на улицу? – снова встрял Черновицкий, недоверчиво глядя на бухгалтершу.

– Нет, – тут же ответила та.

– Ну а подробнее разговор вы слышали? – с нажимом спросил эксперт.

– Мужчина! – презрительно повысила голос Серафима Яковлевна. – У меня нет привычки подслушивать чужие разговоры!

– Но голос в трубке вы слышали? – не отставал докучливый Черновицкий.

– Как я смогла слышать голос? – вытаращила глаза Сера-

фима Яковлевна. – С ним же Жора разговаривал!

– Ну, хотя бы мужик это был или баба? – не выдержал эксперт.

Арцыхевич только вздохнула и поджала губы, давая всем видом понять, что сказала все, что хотела.

– Голос был, кажется, мужской, – вмешался Голубицын. – А разговора, по сути, и не было. Ясно только, что тот человек попросил о встрече, и Георгий согласился. Вот и все. Больше мы ничего не слышали и не видели.

– Итак, когда вы уже стали собираться домой, Скоробогатову позвонил некто и попросил о встрече. Георгий Анатольевич согласился, – обвел я взглядом Голубицына и Арцыхевич, и когда они оба кивнули, продолжил: – Но встреча с неизвестным звонившим происходит уже после вашего ухода. Я все верно понял?

– Точно, – ответила Арцыхевич. – Все точно так и было. Что вы молчите, Николай Александрович?

– Да что же говорить-то? – пожал тот плечами. – Все ясно, по-моему.

– А вот мне кажется, – высунул свой нос Черновицкий, – что еще ничего не ясно!

Я прекратил эти бесполезные препирательства и усадил Голубицына и Арцыхевич за письменный стол, чтобы они наконец-то зафиксировали свои воспоминания на бумаге.

В течение следующих десяти минут ничего особенного не происходило. Голубицын и Арцыхевич скрипели ручками, а

Черновицкий, ворча и шумно дыша, возился с вещественными уликами в соседнем кабинете.

Наконец Голубицын и Арцыхевич закончили писать. Но... Прочитав их труды, я так ничего и не добавил к своим представлениям о том, что же происходило вчера в офисе «Диониса». Расхождений в показаниях вроде бы не наблюдалось. Бизнесмены сидели, пили, делились друг с другом семейными проблемами и намечали планы на будущее. Словом, ничего, предвещавшего экстраординарность, не было.

– Скажите, а может быть, кто-нибудь на вашу фирму, что называется, наезжал? – впрямую поинтересовался я у Голубицына и Арцыхевич.

Те переглянулись, на лице Серафимы Яковлевны отразилось явное недоумение. Голубицын, кашлянув, с расстановкой произнес:

– Вы знаете, ничего подобного я припомнить не могу.

– И я тоже, – тут же энергично подхватила Арцыхевич. – Сейчас не те времена. И вообще – с какой стати? У нас все в порядке, можете проверить баланс, налоги платим аккуратно, потребители все довольны, поставщики тоже.

– Я согласен, – кивнул Голубицын.

– Ну, а долги?

– Какие долги?! – всплеснула руками Арцыхевич. – Я же говорю – у нас все в порядке! Можете взять документы и ознакомиться!

– А конкуренты? Я так понимаю, что вы – не первая ком-

пания в городе, производящая водку. Не секрет, что первое место держит у нас бывшая ликерка...

– Да, приватизированная командой губернатора, – подал голос вездесущий живчик Черновицкий, который успевал прислушиваться к нашему разговору, занимаясь своими непосредственными обязанностями эксперта. – И они-то не очень довольны тем, что вы тут, понимаешь, разворачиваетесь.

– Да, Николай Александрович, – подхватил я. – Вот я заметил, что в рознице появились новые сорта водки, ликеров. То есть вы работаете над ассортиментом, пытаетесь конкурировать...

– Ну и что, – пожал плечами Голубицын. – Такой оборот, как у ликерки, нам все равно не дадут сделать.

– А вы пытаетесь, – наседал я. – Может быть, это предупреждение вам?

– Ну, это уже перебор, – озабоченно покачал головой замдиректора. – Мы им не конкуренты. Наша доля в обороте – примерно процентов пятнадцать. Они же забирают себе все семьдесят. Остальное делится между другими мелкими структурами. Собственно, все это отражено в статистических документах. Если вам это интересно, можете сделать запрос в областном управлении.

– Сделаю, – пообещал я и со вздохом подытожил: – Итак, вы отрицаете, что имели перед кем-то невыполненные обязательства, по поводу которых на Скоробогатова кто-то мог

иметь зуб.

– Совершенно верно, – ответила Арцыхевич.

Голубицын же, помедлив, задумался и помрачнел еще больше. Наконец он выдал:

– Если только личные долги самого Скоробогатова, которые нам неизвестны.

– Хорошо, – вздохнул я. – Давайте теперь попробуем вспомнить, как вел себя вчера Георгий Анатольевич.

– Что значит «как»?! – нервно сдвинула брови Арцыхевич. – Нормально вел, как всегда.

– То есть он не нервничал, не выглядел обеспокоенным, не смотрел постоянно на часы?

– Нет, – категорически качнула головой бухгалтерша.

– Ну а в последнее время не замечали за ним какие-нибудь странности? Может быть, обеспокоенность чем-то? – продолжал уточнять я.

Арцыхевич задумалась. Она посмотрела на Голубицына, как бы ища у него поддержки, но заместитель генерального директора скептически пожал плечами. Серафима Яковлевна снова нервно дернулась, недовольно махнула рукой в сторону Голубицына, вскинула брови вверх и, округлив глаза, выпалила:

– Да! Я замечала! Он как будто бы нервничал. Просто мы давно друг друга знаем, Жора, он... спокойный всегда! А тут стал выглядеть как-то раздраженно. Вот именно раздраженно!

– И с чем же это связано?

– Я не знаю, с чем это связано! – с каким-то вызовом произнесла Арцыхевич. – Мало ли, какие у него могут быть неприятности помимо работы. Ну что вы молчите, Николай Александрович!

– А что я могу сказать? – прогудел Голубицын. – По-моему, Жора был таким, как всегда. Во всяком случае, я ничего подозрительного не заметил.

– А я и не говорю, что это подозрительно! – вскричала Арцыхевич. – Просто у него было такое настроение, и я это замечала...

Голубицын снова пожал плечами и мрачно уставился в окно.

– А где эти проблемы у Скоробогатова могли быть? – обратился я к Арцыхевич.

– Я же вам сказала, молодой человек, за пределами работы, – подчеркнула Серафима Яковлевна. – Большого я пока вам сказать не могу, если вдруг что-то вспомню, то, конечно, обязательно скажу. Просто все это так... неожиданно, у меня просто голова кругом! Нужно время, чтобы у меня мысли пришли в порядок. Понимаете?

– Понимаю, – спокойно ответил я и почувствовал, что нервное состояние Арцыхевич нарастает с каждой минутой нашего разговора. – Вы успокойтесь, пожалуйста.

Я залез в свою сумку, достал оттуда бланки повесток и выписал Голубицыну и Арцыхевич приглашение явиться для

беседы в официальной обстановке в полицию.

Серафима Яковлевна, прочитав повестку, высоко подняла свои черные брови и резко спросила:

– Зачем? Мы же все сказали!

– Такой порядок, – ответил я. – Нужно все официально зафиксировать.

В этот момент показалась хитрая мордочка Черновицкого.

– Вот это, – показал он на рюмки, обращаясь к Голубицыну и Арцыхевич, – я беру на экспертизу.

Голубицын равнодушно пожал плечами, а Арцыхевич, нервно вздохнув, махнула рукой. На этом наше общение с сослуживцами пропавшего невесть куда несостоявшегося депутата Скоробогатова закончилось.

Однако оставались еще охранники, которые могли дополнить картину происшедшего. Об этом я позаботился заранее, попросив Голубицына вызвать дежурившего в ту ночь охранника для беседы. Он и явился примерно в тот момент, когда наше общение с руководством «Диониса» подошло к концу.

Парень представился Игорем Сергеевым. На лице его была написана склонность к дисциплине и абсолютная уверенность в правоте своих действий. Речь его была проста и бесхитростна и прерывалась многочисленными паузами:

– Я стоял... на вахте... видел... как сначала... эта, как ее... Арцыхевич... вышла... сначала... потом... Голуби-

цын... Потом Георгий Анатольевич позвонил, сказал – человек придет... Мол,пусти... Япустил... Человек был весьма крупный... Вобщем, просто толстый. Фамилию не знаю... Он сказал –пусти, япустил... Они разговаривали двадцать две минуты... У меня все записано в журнале... Вот... Пришел в два пятнадцать... Вышел в два тридцать семь... Вместе с ним вышел Скоробогатов... Все.

– Вы сможете опознать того человека?

– Толстого? – нахмурился Сергеев.

– Да.

– Смогу, – уверенно ответил Сергеев.

– Отлично. Значит, Скоробогатов вышел через двадцать две минуты после того, как вы пропустили через вахту его посетителя?

– Да, – коротко отрезал охранник. – Они вместе с этим толстым вышли.

– Что он говорил?

– Ничего, – скривился Сергеев. – Он это... был... ну, как это...

– Нетрезв? – помог я ему.

– Да. Он так вяло махнул рукой, мол, вот так получилось, потом пробормотал «до свиданья» и вышел, – ответил Сергеев, и я удивился такой сложно построенной фразе, произнесенной без пауз.

– Куда он пошел? Вместе с толстым или один? – без особой надежды спросил я.

– Не знаю. Я дверь... запер. И все. Слышал, что машина отъехала, и все.

– Скоробогатов был не на машине?

– Нет. Он же это... Ну... – Сергеев замялся.

– Ага, понятно, он предполагал, что будет пьян и поэтому приехал на работу не на машине, – догадался я.

– Ну да, – облегченно согласился охранник, и в его глазах я прочитал благодарность за то, что я избавил его от тяжелой умственной работы.

– А на какой машине приехал тот, толстый? – уточнил я.

– Я... Это... Не видел, – снова смутился Сергеев. – Помню только, что красная машина была.

– Ну что ж, спасибо, – поблагодарил я охранника и отпустил его.

Попрощавшись с Арцыхевич и Голубицыным, мы с Черновицким отправились назад в Управление, где я тут же пошел к Герасимову. Подполковник умудрился и в субботний день испортить мне настроение. Ознакомившись с моим докладом со скептической миной, он поморщился, вздохнул и бухнул:

– Хорошо. Дело сложное, запутанное, на... Вот ты им, Синицын, и займешься. А то ты слишком умный что-то в последнее время. Все. Свободен, на...!

Выходя от подполковника, я с обидой подумал – а почему только в последнее время? Но возвращаться и уточнять было бесполезно. Однако подполковник Герасимов окликнул

меня сам.

– Сеницын! И чтобы завтра с утра как штык был на работе!

Я в изумлении обернулся, недоверчиво глядя на своего начальника.

– Завтра же воскресенье, Сергей Александрович! – напомнил я ему – у меня еще оставалась хлипкая надежда, что Герасимов просто забыл о такой мелочи, он всегда был склонен путать даты и имена. Но подполковник несколько не смутился от моей реплики.

– Неважно! – как отрубил, сказал он. – На тебе дело важное висит! Ты и так сегодня мало сделал, Сеницын, мало, на..! Так что действуй!

– Слушаюсь, – обреченно произнес я и зашагал по коридору на выход.

Глава третья

Выйдя из Управления, я посмотрел на часы. Время уже перевалило за восемь, а следовательно, в больницу к Катюхе я уже не попадал. Посещения заканчивались в семь часов... Что ж, остается довольствоваться телефонным звонком. Хорошо еще, что технический прогресс не стоит на месте, и в мире появилась такая удобная вещь, как мобильники.

Я уже дошел до остановки и стал дожидаться своего автобуса, попутно думая о дочери. Я ощущал, как сильно соскучился по Катюхе. Хотелось обнять ее, прижать к себе, утешить, сказать, что все непременно будет хорошо. Просто поговорить с ней!

Подкатила маршрутка. Посмотрев на номер, я понял, что именно она идет как раз в сторону больницы, где лежала моя Катюха. Решение созрело мгновенно. Возможно, это было даже не решение, а импульс, которому я повиновался. Быстро вскочив на ступеньку, я протянул водителю деньги и через десять минут уже шагал к воротам Пятой Городской больницы с пакетом в руках. Не знаю, на что я надеялся, – видимо, на удачу, – но она в тот вечер все-таки улыбнулась мне, хотя и не сразу.

Парадная дверь была открыта, и я уже было порадовался, однако едва шагнул внутрь, как дорогу мне перегородил здоровенный детина в черной форме с нашивкой охранной

фирмы на рукаве.

– Куда? – коротко спросил он, перекатывая во рту жвачку.

– У меня дочь здесь лежит, – пояснил я, пытаюсь пройти к лестнице.

– Не положено! – отрезал детина. – Посещения до семи часов!

– Я только что освободился с работы, – пустился я в объяснения, но охранник глыбой стоял на моем пути.

Я уже набрал в легкие побольше воздуха, решив достать удостоверение и просто помахать им перед носом этого верзилы. Обычно этого оказывалось достаточно в случаях, подобных этому. Хотя, вообще-то, я стараюсь не пользоваться своим служебным положением в личных целях. Но парень смотрел на меня явно выжидающе.

– Да ладно, я все понимаю! – примирительным тоном проговорил он, видя, как моя рука скользнула в карман.

Он уже протянул свою лапищу и вдруг замер, с недоумением уставившись на красную корочку. Мы явно неправильно поняли друг друга. Точнее, теперь-то я понимал, чего ожидал от меня этот детина. Он наверняка думал, что я полез за деньгами. Пришлось его разочаровать. С полминуты он молча взирал на мое удостоверение, словно не веря своим глазам. Потом поднял на меня взгляд. Он был полон разочарования.

– Проходите, – с явным сожалением процедил он. – Но

вообще имейте в виду – после семи запрещено! В следующий раз идите к главврачу за разрешением!

«В половине девятого вечера идти к главному врачу, конечно, очень результативно», – подумал я, однако вслух высказывать своих мыслей не стал, а лишь улыбнулся и стал подниматься по лестнице. На верхней ступеньке я услышал, как входная дверь снова распахнулась, и в проеме появилась шустренькая женщина средних лет. Она суетливо затопталась на месте, зашебуршила в своей сумочке... Видимо, она была гораздо лучше меня осведомлена о больничных порядках, поскольку привычным движением выдернула из сумочки сто рублей и протянула их охраннику. Тот мгновенно спрятал деньги в карман и посторонился, пропуская женщину. Та кивнула и застучала по лестнице каблучками, обгоняя меня.

«Да, коррупция в нашей стране начинается с вешалки!» – с иронией подумал я, шагая по длинному коридору к палате, где лежала Катюха. Тогда я еще не знал, насколько пророчески эти слова и как они всплывут в моей дальнейшей жизни. Тогда еще я ничего не знал...

Катюха поразила меня своей бледностью. Мне даже показалось, что она похудела за эти дни. Она лежала на кровати, застеленной белым постельным бельем, и рассеянно крутила в руке сотовый телефон. Увидев меня, Катюха тотчас переменилась в лице, на нем даже заиграл румянец. Резко поднявшись на постели, она взвизгнула:

– Папочка!

И следом, соскочив с кровати, бросилась ко мне и повисла на шее.

– Тише, тише! – прижимая к себе ее теплое тельце, проговорил я и поцеловал Катюху в щеку. – Тебе нельзя так скакать!

– Я уже думала, что ты не придешь!

– Я и сам так думал, – со вздохом признался я. – Но, слава богу, у меня получилось. Ну, пойдем сядем, и ты мне расскажешь, как твои дела!

Я осторожно опустил Катюху на пол, и она тут же потащила меня к своей постели. Я протянул ей пакет с фруктами, которые купил в ближайшем супермаркете, и Катюха, хрустя яблоком, принялась рассказывать, что с утра чувствовала себя плохо и что добрая Наталия Константиновна позвала «самого главного врача», а потом долго сидела рядом с ней и успокаивала.

– Знаешь, папа, мне ведь хотят делать операцию! – сообщила Катюха с сияющими глазами.

– Вот как? – поднял я брови. Меня удивила реакция дочери – она совершенно не выглядела испуганной или подавленной. – И что же ты... рада этому?

– Конечно! – возбужденно воскликнула Катюха. – Врач сказал, что после операции я буду совершенно здорова!

– Ну что ж, это замечательная новость, – осторожно произнес я, не зная еще, радоваться мне или тревожиться тако-

му обстоятельству.

В этот момент открылась палатная дверь, и я увидел совсем молодую женщину. Вначале я подумал, что это медсестра пришла делать какие-то уколы, но женщина с улыбкой произнесла:

– Вечерний обход! Ну что, девочки, у кого какие жалобы есть?

– Никаких! – хором ответили девчонки.

– Ну, я все-таки вас посмотрю, – сказала женщина, проходя в палату.

Она методично осмотрела каждую, после чего подошла к постели Катюхи.

Я встал и отошел в сторону.

– Скоро уйду, – пообещал я, поймав брошенный в мою сторону взгляд. – Просто не мог раньше прийти – работа такая.

– Понимаю, – кивнула та. – У меня тоже работа почти круглосуточная!

Женщина присела на край кровати и принялась осматривать Катюху, попутно расспрашивая, как она себя чувствует. Дочь же вдруг принялась с возбуждением рассказывать, что ее папа служит в полиции и занимается тем, что «ловит самых главных злодеев!» Я в смущении отвел глаза. Женщина улыбнулась и потрепала Катюху по щеке.

– Теперь я понимаю, в кого ты такая смелая девочка! – сказала она, поднимаясь.

– Вы лечащий врач Кати? – решился я обратиться к ней.

– Да... Не совсем, – запнувшись, сказала та и добавила: –

Меня зовут Наталия Константиновна.

Это длинное Наталия Константиновна совершенно не подходило ей. Она была слишком молода для такого имени-отчества. Ее можно было принять за студентку Наташу...

Словно почувствовав мои мысли, женщина произнесла:

– Я помощник лечащего врача. Я еще прохожу интернатуру...

– Понятно. Можно мне поговорить с вами? Уделите мне минутку?

– Да, конечно, – с готовностью закивала Наталия Константиновна, и я подумал, что она еще не успела набраться высокомерия, так свойственного многим врачам, много лет работающим в медицине. Они, как правило, обожают держаться напыщенно и всем своим видом давать понять, как сильно заняты.

Я попрощался с Катюхой, похвалив ее за то, что держится молодцом, пожелал и дальше вести себя так же и пообещал прийти сразу, как только удастся выкроить свободный часик.

– Подполковник Герасимов опять тебя грузит? – с сочувствием спросила дочь – ей было известно о такой особенности моего досточтимого шефа.

– Да, солнце, – признался я. – Даже в субботу и воскресенье!

Наталия Константиновна стояла в коридоре. Мы отошли

к окну, и я спросил, точно ли, что Катюхе будет сделана операция.

– Еще не совсем, – покачала она головой. – Для начала нужно провести полное обследование, сделать компьютерную томографию, а у нас как назло томограф опять сломался... Придется немного подождать...

Она говорила это извиняющимся тоном, словно в поломке томографа была лично ее вина, и это тоже удивило меня. Несмотря на неопытность этой девушки, я подумал, что Катюхе повезло, что именно она помогает лечащему врачу: Наталия Константиновна явно была доброй и не успела утратить сочувствия к своим пациентам. Даже жаль, если эта девушка очерствеет со временем...

«А ты сам не очерствел со временем на своей работе? – спросил вдруг меня внутренний голос. – Или переживаешь каждое горе как свое собственное?»

И вынужден был признать, что, несмотря на то что отношусь к пострадавшим с сочувствием и пониманием, все же воспринимаю чужую беду уже не так остро, как в первые годы службы в милиции. За это время мне довелось повидать и раскрыть немало преступлений, в том числе и убийств. И понял, что невозможно абсолютно каждую боль пропускать через себя. Иначе можно сойти с ума. Вспомнил, что и раньше думал о том, что моя профессия в этом смысле сродни профессии врача. Теперь я почувствовал это особенно отчетливо.

Вспомнил я и о сегодняшней моей визитерше, Надежде Алексеевне Скоробогатовой, у которой пропал муж. Сочувствовал ли я ей? Несомненно. Хотел ли, чтобы ее муж нашелся? Безусловно. Но потерял бы сон, если бы узнал, что его нет в живых? Вряд ли... Пожалел бы по-человечески, конечно, постарался бы утешить, как мог, но и все на этом.

– Но вы не волнуйтесь! – продолжала тем временем Наталия Константиновна. – Катюше очень повезло! Операцию берется делать лично заведующая отделением, Маргарита Федоровна! Это очень опытный хирург, поверьте! А может быть, обойдется и без операции!

– А вы считаете, как было бы лучше? – неожиданно спросил я – почему-то интуитивно чувствовал, что эта женщина не станет мне врать.

Ее серые глаза слегка расширились, она покачала головой и медленно проговорила:

– Не знаю...

– То есть существует опасность неблагоприятного исхода? – прямо спросил я.

– Такая опасность существует всегда. Но если провести полное обследование, хорошо сделать операцию и потом правильно вести ребенка весь реабилитационный период, все будет хорошо! – твердо сказала она, серьезно глядя мне в глаза.

– Что ж, вы меня обнадежили, – улыбнулся я. – Спасибо!

И, попрощавшись, направился к выходу. Приехав домой,

я сразу почувствовал, как проголодался за день. Толком победать мне так и не удалось, только возвращаясь из «Диониса» я перехватил бутерброд с сыром, которым со мной не очень охотно поделился эксперт Михаил Черновицкий.

Едва я налил в кастрюлю воды и поставил на плиту, чтобы сварить себе пельмени, как зазвонил сотовый. Звонила Ольга.

– Ты все-таки навестил дочь. Что ж, лучше поздно, чем никогда, – начала она без приветствия. Но хоть и без наездов, и на том спасибо.

– Угу, – неопределенно пробурчал я, бросая в кастрюлю щепотку соли. – Это все, что ты хотела мне сказать?

– Нет, не все! – в голосе Ольги зазвучали деловые нотки. – Ты в курсе, что Катю будут оперировать?

– Еще неизвестно, будут ли, – уточнил я.

– Будут! – категорично сказала Ольга. – Вопрос уже решен.

– Откуда такая уверенность? Я сегодня разговаривал с лечащим врачом, и она сказала, что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.